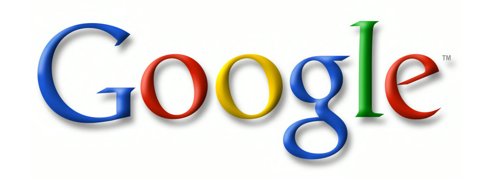

DK
219.6
.K92
S56
BUHR A
a39015 01810409 4b

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES

UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES

ERSITY OF M
GAN
ARIES

Типографія «Сѣверъ» А. М. Лесмана. Спб., Садовая, 42.

Редакція Ф. Дѣлова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А Рудина

Л. Шишко.

Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій

и

Кружокъ Чайковцевъ.

(Изъ воспоминаній и замѣтокъ стараго народника).

Съ портретами

С. М. Кравчинскаго и Н. В. Чайковскаго.

„Въ знаніи и борьбѣ—сила и право"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Вл. Распопова.

1906.

Типографія «Сѣверъ» А. М. Лесмана. Спб., Садовая, 42.

Николай Васильевичъ Чайковскій.

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КРАВЧИНСКІЙ
и
КРУЖОКЪ ЧАЙКОВЦЕВЪ.

(Изъ воспоминаній и замѣтокъ стараго народника).

«Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины,
Гдѣ ты солнце благодатное
Золотой моей весны?!...»
Полежаевъ.

I.

Мои первыя воспоминанія о Сергѣѣ Кравчинскомъ связаны съ годами моей ранней юности. Мы встрѣтились съ нимъ въ 1869 г. въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ, куда я перешелъ по окончаніи курса во II московской военной гимназіи, а онъ по окончаніи курса въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ.

Военныя гимназіи были только что преобразованы тогда (въ 1864 г., если не ошибаюсь) изъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ. Это преобразованіе составляло часть общихъ реформъ, предпринятыхъ министерствомъ Д. Милютина въ военномъ вѣдомствѣ. Такъ называемые спеціальные классы кадетскихъ корпусовъ были выдѣлены тогда въ особыя военныя училища, а общіе классы, съ программой реальныхъ средне-учебныхъ заведеній, составили военныя гимназіи. Такъ какъ послѣднія совсѣмъ не подлежали вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія, то на нихъ сравнительно мало отражалась наша внутренняя политика. Военно-Учебное вѣдомство преслѣдовало тогда во всѣхъ своихъ преобразованіяхъ преимущественно педагогическія цѣли. Прежній бурсацкій режимъ кадетскихъ корпусовъ, который я еще засталъ, изчезъ безслѣдно; составъ нашихъ преподавателей и классныхъ наставниковъ былъ обновленъ, и среди нихъ попадались образованные и развитые люди. Наша ученическая жизнь спокойно и мирно текла въ стѣнахъ на-

шего огромнаго Лефортовскаго дворца, при чемъ, быть можетъ, благодаря именно этому, въ эти стѣны почти совсѣмъ не проникала окружавшая насъ общественная жизнь. Мы читали въ послѣднихъ классахъ Островскаго, Гоголя, Диккенса и даже Бѣлинскаго, какъ пособіе при изученіи русской литературы, но мы выходили изъ гимназіи съ довольно смутными представленіями о всѣхъ тяжелыхъ и трудныхъ сторонахъ русской общественной жизни.

Съ переходомъ въ Артиллерійское Училище все это, разумѣется, измѣнилось. Михайловское Артиллерійское Училище, подобно всѣмъ высшимъ военнымъ школамъ, было тогда полу-закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. Юнкера его пользовались правомъ свободнаго выхода изъ стѣнъ училища по 2 или по 3 раза въ недѣлю. Кромѣ того наше училище вообще отличалось тогда сравнительно свободнымъ духомъ, отсутствіемъ строгой военной дисциплины и начальственнаго гнета. Нашъ директоръ, генералъ Платовъ, любилъ называть свое училище военнымъ университетомъ. Ближайшее начальство почти совсѣмъ не вмѣшивалось тогда во внутреннюю жизнь юнкеровъ; наше чтеніе стояло внѣ всякаго контроля, и въ училище могли свободно проникать какія угодно книги. И вотъ, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ моего перехода въ Артиллерійское училище, у насъ на II курсѣ уже образовалась небольшая группа юнкеровъ, серьезно интересовавшихся общественными вопросами. Повидимому, эта группа возникла самостоятельно, безъ какого-либо воздѣйствія извнѣ, подъ развивающимъ вліяніемъ самого чтенія. Что касается меня, напр., то я очень хорошо помню, что въ первый разъ меня заставила серьезно задуматься надъ общественными вопросами статья Писарева «Наши реалисты». Особенно сильное впечатлѣніе произвели тогда на меня тѣ страницы этой статьи, на которыхъ Писаревъ выясняетъ огромныя нравственныя обязательства, лежащія на каждомъ человѣкѣ по отношенію къ окружающему его обществу. Эта простая, повидимому, мысль вызвала тогда во мнѣ цѣлый душевный переворотъ, и ею, въ сущности, опредѣлилась съ того самаго момента программа всей моей жизни; цѣль личнаго существованія была найдена тогда мною; оставалось только ближе познакомиться со всѣмъ объемомъ и со всѣмъ значеніемъ стоявшей впереди задачи.

Подобный-же внутреннiй переломъ произошелъ, вѣроятно, тогда въ сознанiи еще 4-хъ или 5 товарищей моего курса; вскорѣ между нами произошло сближенiе, и мы выдѣлились въ особую товарищескую группу. Мы читали вмѣстѣ новые журналы и горячо обсуждали впервые возникшiе передъ нами вопросы. Нашимъ любимымъ журналомъ было «Дѣло», гдѣ печатался тогда, между прочимъ, очень популярный въ свое время романъ Омулевскаго «Шагъ за шагомъ».

Около этого именно времени вниманiе нашего небольшого кружка было привлечено однимъ изъ юнкеровъ такъ называемаго «строевого» отдѣленiя, куда поступали на III дополнительный курсъ тѣ изъ юнкеровъ двухклассныхъ военныхъ училищъ, которые хотѣли перейти въ артиллерiю.

Это былъ чрезвычайно серьезнаго и даже мрачнаго вида юноша, немного сутулый, съ большой головой, массивнымъ лбомъ и рѣзкими чертами лица. Онъ вѣчно сидѣлъ за книгами у своего столика и мало съ кѣмъ разговаривалъ. Даже переходя изъ одной комнаты въ другую, онъ обыкновенно продолжалъ читать, не отрываясь отъ книги. Все это не могло не заинтересовать насъ; по наведеннымъ справкамъ мы узнали, что фамилiя юнкера была Кравчинскiй и что онъ перешелъ къ намъ изъ Александровскаго Военнаго Училища; его товарищи по военной гимназiи отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ съ большими способностями.

Вскорѣ послѣ того мнѣ представился случай впервые заговорить съ нимъ, уже не помню точно по какому поводу. Но это было только начало нашего знакомства; ближе я сошелся съ нимъ позднѣе. Кравчинскiй держалъ тогда себя довольно недоступно. Онъ былъ гораздо развитѣе и начитаннѣе насъ; у него уже былъ вполнѣ опредѣленный революцiонный взглядъ на Россiю и были кое-какiя знакомства среди петербургскихъ радикальныхъ кружковъ.

Кромѣ того, Кравчинскiй вообще жилъ тогда очень замкнутой внутренней жизнью. Вся его энергiя была направлена на свое собственное умственное развитiе, на теоретическую подготовку себя къ той революцiонной роли, о которой онъ уже мечталъ тогда. Онъ уже читалъ въ то время на нѣскольких языкахъ и, обладая большою памятью, поражалъ насъ своими свѣдѣнiями по общественнымъ наукамъ.

Когда я думаю теперь о Кравчинскомъ, онъ всего ярче

выступаетъ въ моемъ воспоминанiи именно такимъ, какимъ я зналъ его въ Артиллерiйскомъ Училищѣ: молчаливымъ, всегда серьезнымъ, сурово смотрѣвшимъ исподлобья. Въ немъ менѣе замѣтно проявлялись тогда другiя стороны его характера: его любовь къ людямъ, его крайне довѣрчивое отношенiе къ нимъ и его почти дѣтская доброта; эти черты заслонялись тогда его сосредоточеннымъ революцiоннымъ настроенiемъ; онъ даже рѣдко смѣялся въ то время и буквально не отрывался отъ книгъ.

Вскорѣ въ нашемъ кружкѣ появились заграничные листки «Народнаго Дѣла», принесенные въ училище Кравчинскимъ. Эти революцiонные листки вводили насъ, такъ сказать, въ область революцiонной практики, знакомили насъ впервые съ ощущенiями революцiонной опасности и революцiонной тайны. Я помню, между прочимъ, какое сильное впечатлѣнiе произвело на насъ тогда сенсацiонное описанiе въ одномъ изъ номеровъ «Народнаго Дѣла» ареста Нечаева, происшедшаго будто-бы въ какомъ-то трактирѣ, въ то время какъ онъ произносилъ тамъ революцiонную рѣчь, обращенную къ рабочимъ; далѣе слѣдовалъ такой же сенсацiонный разсказъ о побѣгѣ Нечаева изъ Петропавловской крѣпости. И все это, отъ перваго до послѣдняго слова, было придумано самимъ Нечаевымъ съ цѣлью поднять такимъ путемъ свой революцiонный престижъ.

Изъ другихъ событiй нашей училищной жизни стоитъ еще упомянуть о тайномъ собранiи нашего кружка, устроенномъ Кравчинскимъ. Это происходило уже лѣтомъ, въ лагеряхъ подъ Краснымъ Селомъ. Сходка наша состоялась въ лѣсу, за Дудергофскимъ озеромъ; насъ собралось на нее человѣкъ 8, и Кравчинскiй произнесъ намъ рѣчь. Онъ говорилъ о неизбѣжности революцiоннаго пути для Россiи и доказывалъ всѣ преимущества этого пути по сравненiю съ путемъ правительственныхъ реформъ. Онъ говорилъ о французской революцiи, указывалъ на огромныя перемѣны, вызванныя ею въ самое короткое время, и затѣмъ сравнивалъ съ этими огромными революцiонными завоеванiями ничтожные результаты монархическихъ преобразованiй, предпринимавшихся въ нѣкоторыхъ государствахъ въ эпоху такъ называемаго просвѣщеннаго деспотизма, какъ, напр., въ Испанiи, гдѣ эти реформы безслѣдно отмѣнялись потомъ послѣдующими королями.

Эта революціонная рѣчь Кравчинскаго могла бы дать теперь довольно вѣрное представленіе о томъ, въ сферѣ какихъ теоретическихъ вопросовъ вращалась тогда революціонная мысль въ Россіи. Наиболѣе горячіе и страстные споры вызывались въ то время именно этимъ вопросомъ о революціи или реформахъ; можно даже сказать, что имъ исчерпывалось тогда все содержаніе революціоннаго движенія, такъ какъ послѣднее состояло въ то время, главнымъ образомъ, въ самомъ рѣшеніи быть революціонеромъ. Дальнѣйшихъ, болѣе конкретныхъ революціонныхъ задачъ русская жизнь еще не ставила тогда, да и не могла ихъ ставить за неимѣніемъ достаточнаго количества революціонеровъ. Дѣло шло пока лишь о зарожденіи первыхъ роволюціонныхъ группъ среди русской учащейся молодежи; что же касалось взрослаго поколѣнія конца 60-хъ годовъ, то въ общемъ оно было враждебно революціонному движенію, такъ какъ отстаивало программу мирной легальной дѣятельности, главнымъ образомъ, земской, и упорно вѣрило въ возможность постепеннаго развитія либеральныхъ реформъ начала 60-хъ годовъ.

Предшествовавшее революціонное движеніе конца 50-хъ и самаго начала 60-хъ годовъ, состоявшее изъ очень небольшого числа убѣжденныхъ и рѣшительныхъ людей, не оставило послѣ себя прямыхъ продолжателей. Одни изъ нихъ были сосланы, а другіе погибли въ польскомъ возстаніи. Кружокъ каракозовцевъ, только-что было начавшій организоваться въ серединѣ 60-хъ годовъ, былъ совершенно уничтоженъ правительственной репрессіей послѣ выстрѣла 4-го апрѣля 1866 г. Затѣмъ еще немного позднѣе въ Москвѣ же разыгралось нечаевское дѣло; но кружокъ Нечаева былъ созданъ искусственно, энергіей одного человѣка; изъ всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ этого кружка только убитый Ивановъ и П. Гавр. Успенскій представляли собою болѣе или менѣе самостоятельныя величины; что же касается до Ткачева, Волховскаго, Антоновой и Дементьевой, также привлеченныхъ къ нечаевскому процессу, то они не принимали на самомъ дѣлѣ никакого участія въ нечаевской организаціи. Въ сущности, самое возникновеніе подобной революціонной организаціи, державшейся исключительно на ложныхъ конспиративныхъ пріемахъ, уже достаточно указывало на неподготовленность революціоннаго движенія, хотя въ

то же время указывало, по выраженію товарища Ф. Волховскаго, просматривавшаго мою рукопись, «на легкость воспламененія того матеріала, который встрѣтили ближайшіе сотрудники Нечаева». Не надо забывать, что въ числѣ юношей, привлеченныхъ Нечаевымъ къ своему дѣлу, но поставленныхъ имъ на низшія ступени революціонной іерархіи, находились такіе люди, какъ Піменъ Енкуватовъ, Лау, Климовъ, Долгушинъ, Леонидъ Голиковъ.

Въ то время, какъ въ Москвѣ разыгрывалась нечаевская исторія, въ Петербургѣ уже велась болѣе серьезная подготовительная революціонная работа въ тѣхъ многочисленныхъ кружкахъ самообразованія, изъ которыхъ вышли затѣмъ почти всѣ выдающіеся революціонные дѣятели 70-хъ годовъ. Но что касалось собственно самого Кравчинскаго, то его врядъ-ли можно было бы назвать продуктомъ кружковой умственной жизни, такъ какъ по всему складу своего ума и характера это былъ скорѣе одиночка. Когда онъ позднѣе вошелъ въ петербургскій революціонный кружокъ, онъ вошелъ туда уже вполнѣ сложившимся и выработаннымъ революціонеромъ.

Пока же, по окончаніи курса въ Артиллерійскомъ училищѣ, будучи произведенъ въ офицеры, онъ уѣхалъ служить въ какую-то батарею, въ провинцію, но уѣхалъ туда съ твердымъ рѣшеніемъ бросить военную службу, и если пробылъ на ней около года, то только для того, чтобы скопить немного денегъ изъ своего офицерскаго жалованья и затѣмъ вернуться въ Петербургъ. Будучи офицеромъ, Кравчинскій продолжалъ вести тотъ же самый образъ жизни, что и въ Артиллерійскомъ училищѣ, т. е., все время проводилъ за книгами. Позднѣе онъ разсказывалъ, что, желая избавиться тогда отъ докучныхъ посѣщеній, онъ не держалъ въ своей комнатѣ ровно никакой мебели, кромѣ одной табуретки, на которой сидѣлъ самъ. Въ эту зиму (1870—1871), я, все еще остававшійся въ Артиллерійскомъ училищѣ, получилъ отъ него длинное письмо, написанное химическими чернилами. Въ немъ онъ излагалъ мнѣ свои выводы относительно французской революціи. Я очень жалѣю, что не могъ сохранить этого письма, но у меня осталась въ памяти его главная мысль. Письмо было проникнуто вѣрою въ личную революціонную иниціативу. Кравчинскій писалъ, что, изучая французскую революцію, онъ все бо-

лѣе и болѣе приходилъ къ тому убѣжденію, что главную роль играла въ ней личная энергія ея героевъ: вѣдь въ сущности, писалъ онъ, революціей заправляла очень небольшая кучка людей. Отсюда дѣлался тотъ выводъ, что и для Россіи революціонный переворотъ вовсе не представлялся полною невозможностью: стоило только явиться сильнымъ и энергичнымъ вождямъ. Таково было, въ самыхъ общихъ чертахъ, конечно, содержаніе этого письма; въ немъ высказывался первоначальный, юношескій взглядъ Кравчинскаго на революціонное движеніе; оно представлялось ему прежде всего дѣломъ личной инициативы, результатомъ умственнаго движенія, создающаго революціонныхъ героевъ. Этотъ романтическій взглядъ на революціонныя движенія соотвѣтствовалъ, впрочемъ, до извѣстной степени господствовавшимъ тогда въ Россіи историко-философскимъ общественнымъ теоріямъ. Извѣстно, какимъ большимъ вліяніемъ пользовалась въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ Россіи книга Бокля съ ея ученіемъ о всеопредѣляющемъ значеніи идейнаго фактора,—ученіемъ, которымъ очень увлекался тогда и Кравчинскій; для меня почти несомнѣнно, по его восторженнымъ отзывамъ о Боклѣ, что именно эта книга и вызвала въ немъ тогда такую страстную жажду знанія.

Но, съ другой стороны, въ этомъ взглядѣ на революціонное движеніе, какъ на дѣло личной инициативы, заключалась извѣстная доля исторической правды; эта теорія въ значительной степени соотвѣтствовала тогда тому фактическому положенію, въ которомъ находилась общественная жизнь въ Россіи, такъ какъ вся сила общественнаго протеста, дѣйствительно, сосредоточивалась въ ней тогда лишь въ немногихъ отдѣльныхъ лицахъ, которымъ предстояло пробить дорогу широкому общественному движенію. Сама русская жизнь выдвигала тогда на первый планъ именно этихъ немногихъ лицъ, этихъ піонеровъ революціоннаго движенія и ставила ихъ въ положеніе инициаторовъ революціонной борьбы. Эта роль была, такъ сказать, навязана имъ исторіей, а вовсе не вытекала изъ ихъ собственнныхъ теоретическихъ заблужденій. Она была неразрывно связана съ фактической постановкой революціоннаго вопроса въ Россіи. Если бы, наприм., Кравчинскій не былъ въ такой степени убѣжденъ тогда въ творческой силѣ личной революціонной энергіи, то ему оставалось бы только сложить ору-

жіе и отказаться вовсе отъ революціонной борьбы, т
какъ въ окружавшей его общественной жизни онъ не
шелъ бы тогда, помимо чисто-стихійныхъ крестьянски
волненій—да и то уже прекратившихся къ тому времени
ровно никакой массовой или классовой опоры для revo
ціонной борьбы. Современная пролетарская революціонн
теорія, которая выдвигается обыкновенно, какъ проти
вѣсъ такъ называемымъ утопическимъ революціонны
теоріямъ, возникла впервые въ западноевропейскихъ ст
нахъ, уже послѣ того, какъ рабочія массы стали выступа
въ нихъ въ качествѣ самостоятельной общественной сил
Подобно всѣмъ соціальнымъ теоріямъ, и эта теорія мог
явиться лишь послѣ того, какъ сама общественная жиз
доставила необходимый для нея историческій матеріал
т. е., послѣ того, какъ общественная жизнь передовых
западноевропейскихъ странъ уже приняла преобладающ
характеръ классовой борьбы между буржуазіей и рабочим
массами и когда весь успѣхъ этой борьбы сталъ зависѣт
главнымъ образомъ, отъ роста классового сознанія горо
ского пролетаріата.

И вотъ—подобно тому, какъ въ западноевропейских
странахъ, уже прошедшихъ чрезъ стадію первоначальных
политическихъ переворотовъ, пролетарская теорія общ
ственнаго развитія получила свое временное историческо
оправданіе,—условія русской общественной жизни конц
60-хъ годовъ неизбѣжно выдвигали у насъ на первое мѣ
сто революціонную интеллигенцію, какъ основную револю
ціонную силу для даннаго историческаго момента, и спо
собствовали появленію революціонной теоріи, наиболѣе со
отвѣтствовавшей данному фактическому положенію вещей
въ Россіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же самыя условія русской общественной жизни способствовали также и выработкѣ соотвѣтственныхъ имъ революціонныхъ характеровъ съ интенсивнымъ революціоннымъ настроеніемъ, преобладавшимъ надъ теоретическими мотивами,—характеровъ, въ которыхъ личная иниціатива еще не подавлялась выступавшими на первый планъ массовыми общественными силами. Во всякой странѣ, пока она еще не начала жить массовой политической жизнью и пока въ ней еще играютъ огромную политическую роль немногочисленныя группы и даже отдѣльныя

сильныя личности, общественная борьба неизбѣжно принимаетъ болѣе или менѣе драматическій характеръ и неизбѣжно способствуетъ проявленію романтическихъ или — вѣрнѣе—героическихъ сторонъ въ характерѣ выдающихся людей. Такого рода романтическія стороны были въ сильной степени развиты и въ характерѣ Кравчинскаго. Его никогда не могла удовлетворить систематическая, коллективная общественная дѣятельность, и онъ всегда стремился къ болѣе или менѣе единоличному, героическому участію въ общественной борьбѣ; ему необходимъ былъ личный революціонный подвигъ,—и мы знаемъ, что въ концѣ концовъ онъ совершилъ его. Извѣстно также, что, будучи уже заграницей, онъ бросался во всѣ революціонныя предпріятія, какія попадались ему на пути: участвовалъ въ герцеговинкомъ возстаніи, участвовалъ въ одной итальянской революціонной экспедиціи, а незадолго до своей смерти высказывалъ желаніе ѣхать сражаться въ возставшую турецкую Арменію.

Естественно, что эти романтическія стороны характера всего замѣтнѣе проявлялись въ Кравчинскомъ въ періодъ его болѣе или менѣе изолированной жизни, т. е. до его вступленія въ кружокъ Чайковцевъ, и что тогда именно онѣ всего сильнѣе отражались на его революціонномъ міросозерцаніи. Самое настроеніе его было въ то время болѣе сосредоточеннымъ, суровымъ и замкнутымъ. Въ этомъ отношеніи встрѣча съ цѣлою вліятельною революціонною группою оказала и на него самого очень замѣтное вліяніе. Во второй его пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1871 г., послѣ его выхода въ отставку, онъ уже казался мнѣ нѣсколько инымъ человѣкомъ. Онъ жилъ тогда въ Лѣсномъ Институтѣ, куда записался студентомъ, и хотя попрежнему былъ заваленъ книгами и много читалъ, но уже менѣе походилъ на мрачнаго заговорщика, погруженнаго въ свои собственные революціонные планы.

Кравчинскій всегда очень увлекался людьми; всякая новая встрѣча со сколько-нибудь выдающимся человѣкомъ всегда приводила его въ особенно радостное настроеніе; а въ кружкѣ чайковцевъ, куда онъ вступилъ осенью 1871 г., онъ встрѣтилъ немало выдающихся людей, къ которымъ глубоко и искренно привязался. Кромѣ того, во всемъ своемъ составѣ, этотъ кружокъ уже представлялъ тогда собой из-

вѣстную коллективную общественную силу, съ котор
такъ сказать, слились личныя силы и личные планы Кр
чинскаго. Его вѣра въ свою собственную революціонн
энергію и его романтическіе революціонные планы уступи
тогда мѣсто вѣрѣ въ коллективныя силы кружка и въ
коллективную революціонную дѣятельность.

II.

Такъ называемый кружокъ чайковцевъ представля
собою, къ началу 70-хъ годовъ, довольно многочисленну
для того времени и чрезвычайно тѣсно сплоченную рев
люціонную группу. Это было время такъ называемыхъ ст
денческихъ коммунъ и группъ самообразованія; кружок
чайковцевъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своего форм
рованія, сталкивался со всѣми студенческими группами и
постепенно пополнялъ свои ряды. По возвращеніи въ Пе-
тербургъ, Кравчинскій бывалъ на студенческихъ собраніяхъ,
читалъ рефераты, познакомился съ нѣкоторыми изъ членовъ
кружка чайковцевъ и вскорѣ былъ приглашенъ ими въ свою
организацію; подобнымъ же образомъ Кропоткинъ, по воз-
вращеніи изъ заграницы, въ 1872 г., неминуемо долженъ
былъ столкнуться съ членами кружка чайковцевъ и также
вступилъ въ ихъ среду. Теперь еще трудно говорить со
всѣми подробностями о первоначальномъ возникновеніи и
составѣ этой революціонной организаціи. Изъ числа ея чле-
новъ можно назвать самого Чайковскаго, Сердюкова, Ку-
преянова, Ольгу Шлейснеръ, Кравчинскаго, Кропоткина,
Грибоѣдова, Перовскую, Чарушина, Синегуба, Леонида По-
пова. Кружокъ очень медленно пополнялъ свой составъ, и
его однородность опредѣлялась не столько полнымъ сход-
ствомъ теоретическихъ взглядовъ, сколько безусловной пре-
данностью одной основной революціонной идеѣ, тѣсно пе-
реплетавшейся съ моральною стороною всего движенія 70-хъ
годовъ. Эта основная революціонная идея заключалась въ
представленіи о революціонной дѣятельности, какъ о слу-
женіи народному дѣлу, вытекавшему изъ сознанія огромной
отвѣтственности, лежавшей на интеллигенціи по отношенію
къ обездоленнымъ рабочимъ массамъ. Несомнѣнно, что вся-
кое революціонное движеніе всегда имѣетъ подъ собой болѣе
или менѣе глубокую моральную основу, такъ что въ этомъ

мыслѣ въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ не было, конечно, ничего оригинальнаго; но отличительной чертой его была лишь та исключительная роль, какую играли въ немъ этическіе мотивы. Людей объединяла тогда, главнымъ образомъ, интенсивность субъективнаго настроенія, а не преданность той или другой революціонной доктринѣ. Среди членовъ кружка чайковцевъ существовали довольно значительныя разногласія въ теоретическихъ взглядахъ; я помню, напримѣръ, горячіе споры между Кропоткинымъ и Купреяновымъ по вопросу о государственности и анархіи; но это нисколько не нарушало внутренней гармоніи кружка; съ другой стороны, одинъ изъ довольно видныхъ членовъ его первоначальнаго состава, очень способный человѣкъ и хорошій организаторъ, долженъ былъ выйти изъ кружка, потому что обнаружилъ нѣкоторыя черты характера, нарушавшія цѣльность представленія о революціонерѣ, какъ личности. Когда въ кружкѣ ставилась кандидатура новаго члена, то прежде всего тщательно обсуждались и взвѣшивались именно нравственныя свойства человѣка, и при томъ иногда довольно второстепенныя, на первый взглядъ *).

На почвѣ этого полнаго внутренняго единства развивались революціонныя идеи кружка, причемъ исходной точкой при этомъ служилъ, разумѣется, соціализмъ, такъ какъ самая идея служенія рабочему народу уже содержала въ

*) Для вступленія въ центральный кружокъ чайковцевъ (у кружка были также вспомогательныя, примыкавшія къ нему, группы молодежи), требовалось согласіе всѣхъ его членовъ; одного отрицательнаго голоса было достаточно, чтобы предложенный кандидатъ не вошелъ въ кружокъ. Такъ была устранена, напр., кандидатура Низовкина,—не смотря на то, что она была предложена такими выдающимися членами кружка, какъ Сердюковъ и Чайковскій—только потому, что противъ нея высказался юный Купреяновъ, указавъ на болѣзненное, обидчивое самолюбіе Низовкина, несогласимое, по его мнѣнію, съ требованіями кружка. Послѣдствія оправдали эту крайнюю осторожность.—Упомянутый выше видный членъ кружка былъ удаленъ, потому что отступалъ отъ того ригоризма въ личной жизни, который составлялъ характерную черту того времени; кружокъ ни за что не принялъ бы въ свою среду человѣка, неспособнаго отказаться отъ перчатокъ или крахмальной рубашки, любящаго выпить или легко относящагося къ женщинѣ. На одномъ изъ засѣданій кружка С. Перовская заявила о неискренности вышеупомянутаго товарища, который старался казаться ригористомъ, а между тѣмъ позволялъ себѣ лишнія траты на наряды. Результатомъ было удаленіе изъ кружка этого члена.

себѣ сущность соціализма, какъ *этическаго ученія*, какъ протеста противъ экономическаго рабства, какъ защиты правъ рабочаго человѣка. Тотъ нравственный переворотъ который заставлялъ тогда людей отрекаться отъ окружающаго ихъ буржуазнаго міра и уходить въ станъ погибающихъ, совершался подъ вліяніемъ именно соціалистическихъ идей, внесенныхъ въ русскую общественную мысль Бѣлинскимъ, Герценомъ, Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, идей такъ называемаго утопическаго, а вѣрнѣе,—*этическаго* соціализма. Человѣкъ дѣлался прежде всего соціалистомъ и въ силу этого становился революціонеромъ; онъ возставалъ не столько противъ даннаго политическаго строя, не столько въ защиту своихъ политическихъ правъ или свободы совѣсти, сколько во имя правъ экономически и политически порабощеннаго русскаго народа; народныя бѣдствія и крайне тяжелое обездоленнное положеніе только что освобожденнаго крестьянства заслоняло тогда собою, въ глазахъ революціонеровъ, всѣ другіе общественные вопросы. Въ этомъ именно смыслѣ движеніе 70-хъ годовъ и было народническимъ; оно непосредственно примыкало къ движенію 60-хъ годовъ, когда въ основѣ всего лежала все та же неотвязная, мучительная мысль о русскомъ мужикѣ; въ этомъ смыслѣ народниками одинаково слѣдуетъ признать Герцена, Чернышевскаго и Добролюбова, такъ какъ вся ихъ общественная борьба неразрывно связывалась для нихъ съ мыслью о судьбѣ порабощеннаго русскаго народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ та же самая мысль была неразрывно связана также и съ соціализмомъ, такъ какъ именно въ соціализмѣ они видѣли единственно возможное разрѣшеніе вопроса. Въ концѣ концовъ, революціонное народничество шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ представляло собою не что иное, какъ тотъ фазисъ въ развитіи соціалистическаго движенія, когда оно еще не успѣло расшириться до размѣровъ *массовой* борьбы, а обнимало собою лишь одни такъ называемые идеологическіе элементы общества, движимые чувствомъ долга по отношенію къ обездоленнымъ рабочимъ массамъ. Этотъ первоначальный фазисъ неизбѣжно переживаетъ, въ тѣхъ или другихъ формахъ, всякое соціалистическое движеніе, причемъ теоретической основой для него является тогда такъ называемый утопическій соціализмъ,

какъ критика буржуазнаго строя съ точки зрѣнія моральнаго права, какъ критика, разрушащая *этическіе* устои буржуазнаго порядка. Вотъ почему нельзя назвать правильнымъ обычное *противопоставленіе* утопическаго (этическаго) соціализма *научному*, классовому, такъ какъ это— двѣ послѣдовательныя стадіи одного и того же общественнаго движенія.

Итакъ, чисто соціалистическій характеръ революціоннаго народничества 70-хъ годовъ неизбѣжно обусловливался его основными внутренними стимулами: дѣло шло, какъ мы уже видѣли, о революціонномъ служеніи народному дѣлу. На этой, именно, почвѣ и развивались общіе революціонные взгляды кружка чайковцевъ. Но что касалось собственно выработки практической революціонной программы кружка, то въ этомъ отношеніи его исторія представляетъ весьма любопытныя черты. Кружку чайковцевъ пришлось взяться за эту задачу совершенно самостоятельно, такъ какъ тогда еще не было установлено никакихъ революціонныхъ традицій и не существовало никакой общепризнанной революціонной теоріи. Со стороны практической революціонной дѣятельности русская общественная жизнь еще представляла тогда почти совсѣмъ непочатое поле; всѣ предшествовавшія революціонныя попытки 60-хъ годовъ или были очень мало извѣстны въ то время и рисовались въ какихъ-то туманныхъ и неопредѣленныхъ очертаніяхъ, какъ, напримѣръ, исторія революціонной организаціи «Земли и Воли» 1861 года, или же имѣли скорѣе чисто отрицательное значеніе, какъ напримѣръ *нечаевское дѣло*. Нечаевское дѣло вызвало тогда противъ себя особенно сильную реакцію; слово «нечаевщина» стало обозначать всякую неискренность въ отношеніяхъ между революціонерами, всякое стремленіе къ «генеральству» въ революціонныхъ организаціяхъ. Но все это касалось собственно внѣшнихъ пріемовъ, а не внутренняго содержанія революціонной борьбы; по отношенію къ послѣдней революціонерамъ приходилось тогда двигаться, такъ сказать, ощупью и самимъ прокладывать себѣ дорогу. И вотъ кружокъ чайковцевъ сталъ постепенно, путемъ своего собственнаго опыта, своей собственной практической дѣятельности знакомиться съ условіями практической постановки революціоннаго вопроса въ Россіи. При этомъ обнаружилось одно изъ главныхъ отличительныхъ

свойствъ этого кружка: сочетаніе большой революціоной рѣшимости и огромнаго внутренняго одушевленія съ крайней осторожностью по отношенію къ каждому своему новому шагу; во всѣхъ его рѣшеніяхъ, такъ же какъ и при выборѣ новыхъ членовъ, критика преобладала надъ увлеченіемъ; тотъ элементъ идеализаціи и восторженной вѣры въ близость революціи, который приписывается обыкновенно всему движенію начала 70-хъ годовъ, явился не съ первыхъ его шаговъ, а позднѣе, когда революціонное движеніе среди интеллигенціи приняло массовой характеръ и когда большая часть членовъ кружка чайковцевъ была уже арестована. Начало этого массового движенія относится къ веснѣ 1874 г., а главнѣшая дѣятельность кружка чайковцевъ имѣла мѣсто между 1870 и концомъ 1873 г. Это было время полнаго застоя въ русской общественной жизни, наступившаго послѣ 1863 и 1866 гг.; никакихъ увлеченій тогда не существовало даже въ теоретической области, гдѣ лишь поддерживались и хранились традиціи «Современника», да и то въ очень небольшой части легальной печати, при сплошномъ почти господствѣ въ ней того благонамѣреннаго либеральнаго пѣнкоснимательства, которое доставило столь обильный матеріалъ сатирамъ Щедрина. Немногія существовавшія революціонныя группы чувствовали себя въ то время совершенно оторванными отъ общества, «отщепенцами», по удачному выраженію Соколова, и таили исключительно въ себѣ самихъ сѣмена всѣхъ послѣдующихъ общественныхъ потрясеній. Вотъ почему имъ въ полномъ смыслѣ принадлежала тогда иниціатива революціоннаго движенія, причемъ самая ихъ изолированность и оторванность отъ общества предоставляла имъ, такъ сказать, полную свободу выбора.

Кружокъ чайковцевъ, названный такъ по имени одного изъ его основателей, возникъ весною 1869 г.*) Первоначальнымъ организаторомъ этого кружка былъ, впрочемъ, не Н. В. Чайковскій, а двое очень извѣстныхъ въ свое время людей, бывшихъ студентами медицинской академіи. Одинъ изъ нихъ—уже умершій теперь В. Александровъ. Чайковскій вмѣстѣ съ Анатоліемъ Сердюковымъ были пер-

---

*) Свѣдѣнія о возникновеніи этого кружка доставлены мнѣ Н. В. Чайковскимъ, просматривавшимъ мою рукопись.

выми изъ примкнувшихъ къ основателямъ этого кружка. Цѣль послѣдняго понималась его основателями такимъ образомъ: они хотѣли создать среди интеллигенціи и преимущественно среди лучшей части студенчества кадры революціонно-соціалистической или, какъ чаще выражались тогда, *истинно-народной* партіи въ Россіи. Съ этою цѣлью первоначальными основателями кружка рѣшено было вести систематическую пропаганду среди учащейся молодежи, устраивать кружки самообразованія, землячества и такъ называемыя *коммуны*, состоявшія уже изъ болѣе тѣсно связанныхъ между собою товарищей.

Съ тою же цѣлью первоначальными организаторами кружка было начато такъ называемое «книжное дѣло», представлявшее собою, помимо непосредственно приносимой имъ пользы, одно изъ лучшихъ средствъ для сближенія съ молодежью на почвѣ чисто практическаго предпріятія и для быстраго расширенія связей. Въ созданіи этого «книжнаго дѣла» обнаружились крупныя организаторскія способности основателей кружка. Оно заключалось въ распространеніи, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ университетскихъ городахъ, хорошо подобранной тенденціозной легальной литературы съ присоединеніемъ къ ней, по возможности, запрещенныхъ или изъятыхъ сочиненій (преимущественно Чернышевскаго). Съ этою цѣлью кружокъ входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми изъ петербургскихъ издателей и бралъ у нихъ на комиссію съ извѣстной уступкой, конечно, значительное количество экземпляровъ нужныхъ ему изданій, а иногда и прямо покупалъ за полцѣны цѣлыя изданія, какъ, напр., у извѣстнаго въ то время либеральнаго издателя Н. Полякова. Затѣмъ всѣ эти изданія распространялись кружкомъ въ Петербургѣ и провинціальныхъ городахъ черезъ посредство мѣстныхъ студенческихъ группъ, а также политическихъ ссыльныхъ. Книги эти распространялись по большей части въ кредитъ, причемъ кружокъ старался также о выработкѣ и принятіи всѣми кружками самообразованія одинаковой, въ общихъ чертахъ, программы чтенія и занятій, подготовляя такимъ путемъ цѣлое поколѣніе для будущей революціонной дѣятельности въ народѣ.

Такимъ образомъ были распространены тогда въ значительномъ количествѣ лучшія книги того времени по поли-

тическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Вотъ болѣе или ме нѣе полный списокъ этихъ книгъ:

Сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева Некрасова.

Сочиненія Бокля, Костомарова, Щапова, Сергѣевича Мордовцева, Хлѣбникова, Берне, Дж. Ст. Милля, Дарвина Дрэпера, Спенсера (какія имѣлись тогда въ переводѣ).

Историческія письма Лаврова.

Положеніе рабочаго класса Флеровскаго.

Первый томъ сочиненій Лассаля.

Капиталъ Маркса.

Первый томъ «*Исторіи великой франц. революціи*» Л Блана.

Комедія всемірной исторіи Шерра.

Романы Шпильгагена, Швейцера *(Эмма, Люцинда)*, Цшок *(Дѣлатели золота)*.

Отщепенцы Соколова.

Пролетаріатъ во Франціи и *Объ Ассоціаціяхъ* Шел лера—Михайлова, и др.

Кружокъ пытался также, съ тою же цѣлью, и самъ издавать нѣкоторыя книги: такъ, онъ участвовалъ въ но вомъ изданіи сочиненій Добролюбова и напечаталъ два своихъ перевода: *Исторію 48-го года* Луи-Блана и *Рабочій вопросъ* Ланге, а также издалъ на свой счетъ *Азбуку Соціальныхъ Наукъ* Флеровскаго, *Исторію Коммуны* Корьеза и Ланжоле, 2-е изданіе *Положенія рабочаго класса* Флеровскаго и 2-е изданіе *Историческихъ Писемъ* Миртова но шесть послѣднихъ книгъ были задержаны цензурой и сожжены, такъ же, какъ былъ сожженъ тогда второй томъ сочиненій Лассаля. Но тѣмъ не менѣе цензурный уставъ 1865 г. давалъ все-таки кой-какую возможность пользоваться въ извѣстныхъ предѣлахъ легальной печатью для первоначальной революціонной пропаганды, и кружокъ чайковцевъ воспользовался этой возможностью въ полной мѣрѣ. Дѣло велось въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, что массовое распространеніе тенденціозныхъ книгъ скоро обратило на себя вниманіе правительства и вызвало ожесточенныя преслѣдованія. Жандармерія стала производить массовые обыски и захватывать книжные склады. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ кружка чайковцевъ былъ высланъ тогда изъ Петербурга, а самъ Чайковскій подвергся четыремъ обыскамъ и

былъ дважды арестованъ по этому дѣлу. Мои первыя сношенія съ кружкомъ начались съ того, что ко мнѣ на квартиру были принесены тюки преслѣдуемыхъ книгъ. Наибольшее развитіе книжнаго дѣла относится къ 1871 году, причемъ вмѣстѣ съ распространеніемъ книгъ и съ издательской дѣятельностью значительно расширились связи и знакомства кружка въ различныхъ сферахъ.

Вскорѣ, однако, кружокъ сталъ стремиться придать своей дѣятельности болѣе революціонный характеръ и вывести ее изъ предѣловъ сравнительно замкнутой среды учащейся молодежи, такъ какъ, сама по себѣ, эта среда не представляла тогда никакой общественной силы. Студенческія волненія происходили въ то время на почвѣ чисто студенческихъ интересовъ: дѣло шло, главнымъ образомъ, о кассахъ взаимопомощи и о правѣ представительства при университетскомъ начальствѣ. Къ такого рода студенческимъ волненіямъ кружокъ сталъ относиться, въ концѣ концовъ, довольно индифферентно, стараясь поставить революціонное дѣло на болѣе широкую и твердую почву.

Къ этому, именно, времени относится попытка кружка найти эту болѣе широкую и твердую почву въ земской средѣ. Извѣстно, что земства проявляли тогда довольно широкую иниціативу въ дѣлѣ устройства народныхъ школъ и нѣкоторыхъ кооперативныхъ предпріятій, причемъ земская дѣятельность еще пользовалась въ то время кой-какой независимостью, а земства нѣкоторыхъ губерній отличались своимъ демократическимъ направленіемъ. Все это представляло извѣстныя положительныя стороны, и кружокъ хотѣлъ убѣдиться въ возможности или невозможности воспользоваться земскими учрежденіями и земскими начинаніями въ чисто революціонныхъ цѣляхъ, т.-е., имѣя въ виду найти тамъ удобную почву для веденія соціалистической пропаганды въ народѣ. Нѣкоторые изъ членовъ кружка спеціально изучали тогда земскую литературу и входили въ сношенія съ земскими дѣятелями, но скоро должны были придти къ совершенно отрицательнымъ выводамъ. Единственнымъ полезнымъ результатомъ этой попытки сближенія съ земствами было то, что въ нѣсколькихъ школахъ мѣста школьныхъ учителей, фельдшеровъ и фельдшерицъ были заняты своими людьми.

Наконецъ, изъ воспоминаній Кропоткина видно, что въ

1872 г. въ кружкѣ чайковцевъ поднимался даже вопросъ о конституціонномъ переворотѣ при помощи давленія на правительство со стороны либеральныхъ элементовъ, находившихся въ высшихъ сферахъ; но и эти планы также не имѣли подъ собою никакой реальной почвы и не повели ни къ какому практическому шагу.

Они интересны въ настоящее время только въ томъ отношеніи, что подтверждаютъ фактически, до какой степени движеніе начала 70-хъ годовъ далеко было, на первыхъ ступеняхъ своего развитія, отъ той теоріи революціонной искры, способной вызвать мгновенное возстаніе народныхъ массъ, которая пользовалась успѣхомъ впослѣдствіи. Мы видимъ, что, напротивъ того, революціонеры 70-хъ г.г. искали въ теченіе извѣстнаго времени и въ различныхъ направленіяхъ, возможной точки опоры для своей революціонной дѣятельности, прежде чѣмъ стать лицомъ къ лицу съ народной массой.

Но такъ какъ общественныя условія пореформенной Россіи неизбѣжно должны были привести ихъ къ тому заключенію, что, помимо нѣкоторой части учащейся молодежи, революціонное соціалистическое движеніе безусловно не могло разсчитывать тогда ни на какую поддержку со стороны культурныхъ слоевъ русскаго общества, то имъ и пришлось, въ концѣ концовъ, обратиться, съ имѣвшимися въ ихъ распоряженіи наличными революціонными силами, непосредственно къ рабочимъ массамъ. И вотъ мы видимъ, что къ началу 1872 г. кружокъ чайковцевъ, прекративъ всякія дальнѣйшія исканія и попытки, рѣшительно переходитъ къ своей окончательной программѣ: революціонной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ, а затѣмъ и среди крестьянства.

Но мы опять повторяемъ, что эта революціонная пропаганда еще не представляла собою въ то время того массового движенія въ народъ съ сопровождавшимъ его энтузіазмомъ и восторженными надеждами, какое охватило русскую революціонную интеллигенцію два года спустя. Пока это была еще очень замкнутая и строго конспиративная дѣятельность небольшихъ организованныхъ революціонныхъ группъ, піонеровъ всего движенія 70-хъ годовъ. Въ Петербургѣ такой группой былъ кружокъ чайковцевъ, довольно многочисленный для своего времени (около 20-ти человѣкъ);

въ Одессѣ около того же времени и съ такой же программой возникъ революціонный кружокъ, членами котораго были, въ числѣ другихъ, Волховскій, Андрей Франжоли, Чудновскій, Лангансъ и еще очень юный тогда Желябовъ; кромѣ того, въ Одессѣ же совершенно независимо дѣйствовалъ тогда Евг. Ос. Заславскій, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди одесскихъ ремесленниковъ и нѣкоторой части заводскихъ рабочихъ; въ Москвѣ также существовалъ тогда небольшой кружокъ, примыкавшій къ петербургскому кружку; въ числѣ его членовъ были Наталья Александр. Армфельдъ, Варв. Ник. Батюшкова, Клячко, Фроленко и Левъ Тихомировъ; въ Кіевѣ былъ кружокъ, къ которому принадлежалъ Аксельродъ; въ Харьковѣ, Херсонѣ, Вяткѣ, Орлѣ и нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ городахъ также существовали небольшія революціонныя группы.

Перечисляя эти болѣе или менѣе извѣстныя мнѣ организованныя революціонныя группы, я вовсе не имѣю въ виду, конечно, дать этимъ сухимъ перечнемъ сколько-нибудь исчерпывающей общей картины революціонной Россіи того времени. Помимо организованныхъ революціонныхъ группъ, тогда существовала болѣе обширная и неорганизованная среда учащейся молодежи, также находившаяся подъ вліяніемъ условій русской общественной жизни и соціалистической литературы. Кромѣ того, тогда были и другія революціонныя организаціи, съ которыми кружокъ чайковцевъ не приходилъ въ прямое соприкосновеніе, какъ, напр., кружокъ Долгушина и Дмоховскаго, первый выступившій въ самомъ началѣ 1873 г. съ рѣшительной программой революціоннаго призыва къ народу.

III.

Ко времени вступленія Кравчинскаго въ кружокъ чайковцевъ. у послѣдняго уже были установлены сношенія съ петербургскими рабочими, какъ заводскими, такъ и фабричными. Съ заводскими рабочими сношенія завязались главнымъ образомъ усиліями Сердюкова, отчасти также черезъ посредство упомянутаго выше Низовкина, студента Медицинской Академіи. Это былъ, какъ оказалось потомъ, типъ демагога низшаго разряда; онъ сумѣлъ пріобрѣсти популяр-

ность среди заводскихъ рабочихъ и позднѣе сталъ настраивать ихъ противъ интеллигенціи; а, въ концѣ концовъ, попавъ въ тюрьму, сдѣлался злостнымъ предателемъ. Съ фабричными рабочими первоначальныя знакомства завязывались при случайныхъ встрѣчахъ въ трактирахъ или на народныхъ гуляньяхъ. Наиболѣе дѣятельнымъ и умѣлымъ человѣкомъ оказывался въ такихъ случаяхъ С—ъ.

Вступивъ въ кружокъ Чайковцевъ, Кравчинскій сталъ читать заводскимъ рабочимъ лекціи по русской исторіи и политической экономіи, причемъ излагалъ имъ въ популярной формѣ первый томъ Маркса. Заводскіе рабочіе тогда, какъ и теперь, были много развитѣе фабричныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ самостоятельно читали тогда Чернышевскаго и Лассаля. Кропоткинъ, по пріѣздѣ изъ заграницы, познакомилъ ихъ съ международнымъ рабочимъ движеніемъ и разсказывалъ имъ о парижской коммунѣ. Изъ нихъ выдѣлились потомъ такіе выдающіеся рабочіе, какъ Лавровъ (умершій въ тюрьмѣ), Обнорскій, Орловъ и др.

Среди фабричныхъ рабочихъ пропаганда носила болѣе элементарный характеръ. Обыкновенно дѣло начиналось съ открытія чего-то въ родѣ вечерней школы въ квартирѣ кого-либо изъ членовъ кружка. Знакомые рабочіе приводили туда своихъ товарищей, желавшихъ «учиться у студентовъ». Ученье сопровождалось чтеніемъ и разговорами. Въ то время вниманіе III-го Отдѣленія еще не было направлено въ эту сторону; воспоминаніе о воскресныхъ школахъ начала 60-хъ годовъ успѣло изгладиться, и III-е Отдѣленіе гонялось тогда преимущественно за заграничными прокламаціями. Благодаря этому, въ теченіе почти двухъ лѣтъ (въ 72 и 73 гг.) революціонерамъ можно было вести первоначальную пропаганду среди рабочихъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Зимою 72 г., на Выборгской сторонѣ кружкомъ былъ нанятъ небольшой отдѣльный домикъ Байкова, куда набиралось по вечерамъ по нѣскольку десятковъ рабочихъ и куда приходилъ также Кропоткинъ для своихъ разсказовъ о заграничномъ рабочемъ движеніи. Даже осенью 1873 г. Сунегубъ еще могъ собирать на своей квартирѣ за Невской заставой по 30 и 40 человѣкъ рабочихъ и вести съ ними до поздней ночи шумныя и оживленныя пренія. Къ Синегубу, впрочемъ, къ первому и нагрянула полиція въ ноябрѣ 1873 г.

Съ весны 1873 г. члены петербургскаго кружка уже раз-

селились по всѣмъ фабричнымъ центрамъ Петербурга и систематически расширяли свои связи съ рабочими. Иногда съ этой цѣлью они надѣвали полушубки и отправлялись прямо въ квартиры рабочихъ артелей, чтобы читать тамъ по вечерамъ книжки. Кравчинскій поселился въ это время съ другимъ членомъ кружка и съ однимъ изъ заводскихъ рабочихъ за Невской заставой, по сосѣдству съ заводомъ Семянникова (если не ошибаюсь), куда также перекинулась тогда революціонная пропаганда. Скоро, какъ среди заводскихъ, такъ и среди фабричныхъ рабочихъ всѣхъ главныхъ петербургскихъ рабочихъ центровъ образовались небольшія группы сознательныхъ рабочихъ. Дальнѣйшей своей задачей кружокъ чайковцевъ ставилъ объединеніе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ группъ съ цѣлью создать изъ нихъ самостоятельную рабочую организацію; но этому плану не удалось осуществиться вслѣдствіе начавшихся вскорѣ арестовъ. Заводскіе рабочіе, впрочемъ, и тогда уже составляли довольно хорошо организованную самостоятельную группу со своей собственной кассой и библіотекой, и притомъ державшуюся по отношенію къ революціонерамъ изъ интеллигенціи съ гораздо большей независимостью, чѣмъ группы фабричныхъ рабочихъ.

Время-отъ-времени члены кружка чайковцевъ собирались на своей центральной квартирѣ. Здѣсь каждый изъ нихъ давалъ отчетъ о ходѣ пропаганды въ своемъ районѣ; здѣсь же обсуждались общіе планы и общія предпріятія. У кружка была въ Швейцаріи своя типографія, которою завѣдывали сначала Александровъ, а потомъ Л. Гольденбергъ. Въ этой типографіи были напечатаны первыя революціонныя народныя брошюры, благополучно доставленныя потомъ въ Россію.

Осенью 1873 г., кружокъ задумалъ перенести печатаніе народныхъ брошюръ изъ заграницы въ Россію; съ этой цѣлью Купреяновъ ѣздилъ въ Швейцарію и переправилъ черезъ границу печатный станокъ, который хранился въ лечебницѣ доктора Веймара, сосланнаго потомъ на каторгу и умершаго на Карѣ въ 1886. Всѣми дѣлами такого рода завѣдывала особая конспиративная комиссія, къ которой принадлежала, между прочимъ, 18-ти-лѣтняя Перовская. Въ вѣдѣніи Перовской находились также сношенія съ арестованными, сидѣвшими въ III-мъ Отдѣленіи, черезъ одного

подкупленнаго жандарма, который регулярно приносилъ ей записки и принималъ отъ нея порученія. Границей завѣдывали Сердюковъ и Купреяновъ; въ 1873 г. они переправили, между прочимъ, черезъ границу Соколова и Ткачева, бѣжавшихъ изъ административной ссылки, причемъ побѣгъ перваго былъ устроенъ по иниціативѣ и при посредствѣ ставропольскаго кружка (на Кавказѣ), гдѣ находился въ то время Ф. Волховскій, послѣ нечаевскаго процесса, а побѣгъ второго—при содѣйствіи петербургскихъ друзей Германа Лопатина и въ частности Ег. Коведяева.

Что касается общаго характера той пропаганды, которая велась тогда среди петербургскихъ рабочихъ, то прежде всего это было стремленіе передать дѣло рабочихъ въ ихъ собственныя руки. Такова была одна изъ главныхъ руководящихъ идей того времени. Тогда среди русскихъ революціонеровъ господствовало сильное предубѣжденіе противъ политическаго якобинства, противъ революціонной диктатуры, противъ мысли о пересозданіи общественнаго строя путемъ декретовъ, при чемъ съ представленіемъ о революціонномъ якобинствѣ естественно связывалось также представленіе о болѣе или менѣе значительномъ участіи въ переворотѣ буржуазіи, въ отличіе отъ чисто народныхъ революціонныхъ движеній. Въ позднѣйшее время это идейное теченіе начала 70-хъ годовъ многими понималось, какъ отрицаніе всякой политики, какъ какое-то анти-революціонное стремленіе къ *мирной* соціалистической пропагандѣ въ монархическомъ государствѣ. Легко замѣтить, въ чемъ здѣсь заключалась ошибка. Революціонеры 70-хъ годовъ признавали лишь безплодность и даже вредное значеніе такихъ политическихъ переворотовъ, въ которыхъ народныя массы не играли-бы самостоятельной роли, а служили бы простымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи. Это была очень распространенная тогда мысль, навѣянная еще литературою 60-хъ годовъ (вспомните, напр., статьи Добролюбова о Кавурѣ и итальянскомъ парламентѣ). Отрицательное отношеніе къ буржуазнымъ политическимъ переворотамъ сложилось тогда у русской интеллигенціи, всегда стоявшей на строго-соціалистической точкѣ зрѣнія, подъ вліяніемъ извѣстныхъ событій западноевропейской политической исторіи XIX-го вѣка: іюньскихъ дней во Франціи, полнаго разрыва между буржуазіей и пролетаріатомъ во всемъ движеніи 48 г.

и, наконецъ, подъ вліяніемъ Интернаціонала и только что происшедшаго тогда подавленія парижской коммуны. Къ всему этому надо еще прибавить, что русская легальная литература была полна тогда описаніями бѣдственнаго положенія западноевропейскаго пролетаріата. Вотъ источники рѣзкаго отрицательнаго отношенія нарождавшейся соціалистической партіи въ Россіи къ буржуазнымъ политическимъ переворотамъ. Но это еще вовсе не значило, чтобы революціонеры 70-хъ годовъ считали возможнымъ примирить какимъ-то путемъ соціалистическое движеніе съ самодержавіемъ и чтобы они понесли въ народъ *мирную* соціалистическую пропаганду. Это значило только, что ихъ политическая программа заключалась въ прямомъ обращеніи къ народу, въ призывѣ къ революціонному возстанію самихъ рабочихъ массъ. Съ этою цѣлью они и двинулись въ народъ, оставляя пока въ сторонѣ непосредственную политическую борьбу съ правительствомъ и отказавшись принципіально отъ всякихъ союзовъ съ либералами. Въ сущности ихъ программа была тою же программой Интернаціонала съ ея основной идеей о великой исторической роли рабочаго класса, но только перенесенная въ условія русской общественной жизни. А если принять въ соображеніе полную неподготовленность и полную неспособность русской буржуазіи 70-хъ годовъ къ какому бы то ни было революціонному движенію, то окажется, что революціонная программа 70-хъ годовъ, со всей ея кажущейся непрактичностью и ея идеализаціей народа, была единственно возможной тогда революціонной программой вплоть до того момента, когда центръ тяжести борьбы былъ перенесенъ въ среду самой революціонной интеллигенціи.

Чтобы еще опредѣленнѣе и конкретнѣе подчеркнуть революціонный характеръ рабочей пропаганды начала 70-хъ годовъ, достаточно будетъ напомнить читателю въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе наиболѣе распространявшихся тогда народныхъ брошюръ. Эти брошюры раздѣлялись на легальныя и нелегальныя. Изъ первой категоріи наибольшимъ успѣхомъ пользовались: 1) «Дѣдушка Егоръ»,—исторія крестьянскаго ходока, снаряженнаго въ Питеръ и попавшаго въ острогъ; 2) разсказы Наумова, изданные кружкомъ чайковцевъ подъ общимъ заглавіемъ «Сила солому ломитъ», въ видѣ довольно большого тома, но легко разбивавшагося

на отдѣльныя брошюры; лучшіе изъ этихъ разсказовъ представляли собой рѣзкій протестъ противъ кулачества, поддерживаемаго начальствомъ, и производили довольно сильное впечатлѣніе какъ на городскихъ рабочихъ, такъ и на крестьянъ; 3) «Древняя Русь» Худякова, гдѣ, какъ извѣстно, подобраны наиболѣе яркія черты и событія вѣчевого строя и Московской Руси; эта книжка служила большимъ подспорьемъ для антимонархической пропаганды. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о нѣсколькихъ брошюрахъ естественно-историческаго содержанія («Разсказы о небѣ и землѣ», «Бесѣды о природѣ» и пр.); эти брошюры неизбѣжно поднимали религіозные вопросы и почти всегда приводили къ полнѣйшему отрицанію церковной религіи и даже атеизму, хотя, въ принципѣ, мы никогда не навязывали рабочимъ своихъ антирелигіозныхъ мнѣній.

Изъ нелегальныхъ брошюръ, изданныхъ какъ самимъ кружкомъ чайковцевъ, такъ и другими группами, мнѣ припоминаются слѣдующія: 1) «Исторія одного французскаго крестьянина, передѣлка извѣстнаго историческаго романа Эркманъ-Шатріана; въ ней было сконцентрировано все, что можно было извлечь изъ этой книги наиболѣе революціоннаго; 2) «Стенька Разинъ», драматическая поэма Навроцкаго, напечатанная первоначально въ Вѣстникѣ Европы и представлявшая собою во многихъ мѣстахъ, даже безъ всякой передѣлки, сильно написанную революціонную поэму; 3) «Сказка о четырехъ братьяхъ» Л. Тихомирова, гдѣ въ довольно яркихъ картинахъ изображена экономическая, политическая и религіозная эксплуатація народа, съ прямымъ призывомъ къ возстанію; 4) «Чтой-то братцы»,—небольшая брошюра, въ видѣ прокламаціи, на тему о волкѣ-царѣ, попавшемъ въ правители овецъ помимо ихъ спроса и желанія; въ заключеніи настаивалось на необходимости созыва Земскаго собора; 5) «Исторія Пугачевскаго бунта», написанная Тихомировымъ, съ добавленіями Кропоткина. Эта брошюра, по самой своей темѣ, очевидно, не могла носить мирнаго характера*); 6) Сборникъ революціонныхъ

*) П. А. Кропоткинъ, просматривавшій мою рукопись, сдѣлалъ къ этому мѣсту слѣдующую приписку: «Конецъ брошюры—анархическій идеалъ безначальной Россіи—дѣйствительно написанъ мною. Моя рукопись была арестована у кого-то и хранится въ III-мъ отдѣленіи. Когда брошюра была отпечатана, Новицкій (жандармскій

пѣсенъ и стихотвореній, изъ которыхъ пользовались большимъ успѣхомъ стихотворенія «Барка» и «Просьба крестьянъ». Всѣ эти брошюры были написаны ранѣе 1874 г.; позднѣе появились сказки Кравчинскаго («Сказка о копейкѣ» и «Мудрица Наумовна»), «Хитрая Механика», «Внушителя словили» и др.

Эти брошюры не заключали, конечно, въ себѣ никакой опредѣленной революціонной программы, но ихъ общій революціонный характеръ не подлежитъ сомнѣнію; онѣ вполнѣ соотвѣтствовали тому періоду революціонной пропаганды въ народѣ, когда она еще была кружковой, когда дѣло еще шло о выработкѣ отдѣльныхъ лицъ изъ народной среды съ общимъ революціоннымъ міросозерцаніемъ и когда еще не было данныхъ, для того чтобы придать революціонному движенію въ народѣ сколько-нибудь опредѣленную, конкретную форму. Поскольку можно было предвидѣть дальнѣйшее развитіе этого движенія, оно рисовалось нашему кружку въ формѣ все болѣе и болѣе расширяющихся и объединяющихся между собою революціонныхъ группъ среди городскихъ рабочихъ, причемъ эти городскіе рабочіе служили бы проводниками революціонной агитаціи въ деревнѣ. На городскихъ рабочихъ возлагались тогда даже еще бóльшія надежды; предполагалось, что они могутъ выдвинуть изъ своей среды боевую организацію для революціоннаго движенія въ самомъ Петербургѣ. Достигнуть этого надѣялись, главнымъ образомъ, путемъ стачекъ, и, по словамъ Кропоткина, къ которому перешли сношенія съ нашими рабочими Выборгскаго района ко времени уже начавшихся большихъ арестовъ въ Петербургѣ, т. е. къ началу 1874 г.,— между ткачами Выборгской стороны уже шла тогда рѣчь о подготовленіи къ стачкѣ, при чемъ двое изъ рабочихъ, Яковъ Ивановичъ и Вилли Прейсманъ, настаивали даже на

полковникъ, нынѣ генералъ) читалъ мнѣ ее—съ большимъ чувствомъ,—а я. слѣдилъ по моей рукописи.

Читалъ и вдругъ прервался:

— Да неужели вы думаете, князь, что это можно осуществить ранѣе 200 лѣтъ? Прекрасно, превосходно,—но ранѣе 200 лѣтъ этого не будетъ.

— А покуда: «пожалуйте въ тюрьму?» Такъ что-ли? За то, что прозрѣлъ за 200 лѣтъ впередъ?

— Не хотите-ли папироску?

томъ, чтобы припасти кое-какое оружіе на случай, если-бы во время стачки стали бить рабочихъ *).

Таковы были тогда планы нашего кружка. Но, несмотря на сравнительные успѣхи нашей революціонной пропаганды среди городскихъ рабочихъ и на очень приподнятое революціонное настроеніе тѣхъ рабочихъ, которые были затронуты этой пропагандой, мы съ первыхъ же шаговъ должны были убѣдиться въ томъ, что этой пропагандѣ трудно было удержаться тогда въ городскихъ центрахъ, среди городскихъ рабочихъ. Условія русской жизни того времени неминуемо должны были выдвинуть на первый планъ, въ революціонномъ движеніи, вопросъ о деревенскихъ народныхъ массахъ, и я хорошо помню, какъ началось это въ Петербургѣ, лѣтомъ 1873 года. Наиболѣе выдающимся изъ нашихъ фабричныхъ рабочихъ былъ тогда Григорій Крыловъ, умершій въ 1876 г. въ тверской тюрьмѣ. Это былъ человѣкъ живого, пылкаго темперамента, горячо увѣровавшій въ релюлюціонныя идеи. Онъ совершенно не былъ способенъ тогда оставаться въ бездѣйствіи и мечталъ о широкомъ революціонномъ движеніи; между тѣмъ въ окружавшей его фабричной средѣ онъ видимо не встрѣчалъ достаточнаго сочувствія къ своей пропагандѣ и потому скоро сталъ тяготиться этой средой. Тогда онъ началъ искать другихъ путей для своей революціонной дѣятельности и задумалъ, по примѣру эркманъ-шатріановскаго Шовеля продавать подъ видомъ коробейника народныя книжки. Съ этою мыслью онъ бросилъ фабрику и сталъ продавать народныя книжки по окраинамъ Петербурга, а затѣмъ уѣхалъ въ свою деревню, въ Тверскую губернію. Этотъ уходъ съ фабрики сопровождался и мотивировался, конечно, со стороны Крылова и другихъ рабочихъ, разговорами о необходимости поднять крестьянскій народъ, безъ котораго ничего нельзя сдѣлать. Такимъ образомъ, первый толчокъ къ движенію въ деревню былъ данъ въ Петербургѣ самими же рабочими, не нахо-

*) Яковъ Ивановичъ—уже пожилой рабочій, затронутый пропагандой еще въ 60-хъ годахъ. Онъ встрѣтилъ насъ, какъ своихъ старыхъ знакомыхъ,—Вилли Прейсманъ, эстонецъ по происхожденію, выдающаяся личность, былъ вожакомъ огромной Кренгольмской стачки, разыгравшейся, если не ошибаюсь, лѣтомъ 1873 г. Онъ былъ арестованъ въ 1874 г., и по выходѣ изъ тюрьмы сдѣлался мистикомъ.

дившими въ окружавшей ихъ фабричной средѣ достаточно подготовленной почвы для массоваго рабочаго движенія. То же самое происходило и среди заводскихъ рабочихъ; одинъ изъ нихъ, а именно Орловъ, очень способный юноша, переселившійся за Невскую заставу вмѣстѣ съ Кравчинскимъ, бросилъ тогда заводъ и сталъ готовиться въ народные учителя.

Что касалось собственно насъ, членовъ кружка, то это рѣшеніе рабочихъ застало нѣкоторыхъ изъ насъ даже врасплохъ и вызвало въ нашей средѣ немалое разочарованіе, такъ какъ мы еще мечтали тогда о правильномъ и прогрессивномъ расширеніи нашей пропаганды въ Петербургѣ и о созданіи сомостоятельной рабочей организаціи. Но мало-по-малу и насъ стала охватывать и увлекать мысль о деревнѣ, какъ о главномъ центрѣ народной жизни, хотя нѣкоторые изъ насъ (и въ томъ числѣ Чайковскій) смотрѣли на это тогда, какъ на ересь, какъ на внесеніе дезорганизаціи въ правильно поставленное въ Петербургѣ рабочее дѣло.

IV.

Первымъ изъ нашего кружка, бросившимъ тогда организованную рабочую пропаганду въ Петербургѣ и ушедшимъ въ безпредѣльное и таинственно-заманчивое народное море, былъ Сергѣй Кравчинскій. Надо замѣтить, что такое рѣшеніе было въ то время своего рода сожженіемъ кораблей, отреченіемъ отъ многаго очень привычнаго и дорогого, переходомъ къ очень трудной и тяжелой роли. Только огромное революціонное одушевленіе, связанное съ представленіемъ о завѣтныхъ трудовыхъ идеалахъ, скрытыхъ въ народныхъ массахъ, дѣлало эту задачу выполнимой. Итти въ народъ значило тогда выйти изъ университета, бросить книги, разстаться съ городскою жизнью и надѣть на плечи сермягу,—а вмѣстѣ съ нею войти цѣликомъ въ шкуру чернорабочаго или фабричнаго. Я помню, какъ впервые уходилъ въ народъ Кравчинскій и какъ я провожалъ его на петербургскомъ вокзалѣ. Онъ былъ въ посконной рубахѣ и сѣрой поддевкѣ съ узелкомъ подъ мышкой; кромѣ меня его провожала незнакомая мнѣ блѣдная женщина съ интеллигентнымъ лицомъ и заплаканными глазами. Кравчинскій былъ по обыкновенію очень оживленъ, много

говорилъ и метался по вокзалу, не обращая никакого вниманія ни на свой костюмъ, ни на стоявшихъ подлѣ жандармовъ. Но вотъ, зазвонилъ звонокъ, мы простились, и онъ уѣхалъ въ Тверскую губернію, къ одному знакомому мелкому помѣщику, къ которому поступилъ въ качествѣ чернорабочаго. Это было въ іюлѣ или августѣ 1873 г.

Въ это лѣто многіе изъ членовъ кружка также разъѣхались въ разныя стороны съ различными порученіями. Чайковскій, пользовавшійся наибольшею извѣстностью, какъ представитель нашего кружка, совершилъ тогда обширную поѣздку по всей Россіи для поддержанiи прежнихъ и установленія новыхъ связей; Кропоткинъ уѣхалъ продавать свое имѣніе, чтобы достать денегъ на устройство предполагавшейся типографіи и другія революціонныя предпріятія; Купреяновъ поѣхалъ въ Швейцарію за печатнымъ станкомъ, а также для свиданія съ Лавровымъ, предпринявшимъ тогда изданіе журнала «Впередъ!». Еще одинъ товарищъ поѣхалъ на югъ для переговоровъ съ одесскою группой.

Я остался тогда въ Петербугѣ, чтобы продолжать дѣло съ рабочими на Выборгской сторонѣ. Мы съ Перовской наняли на это лѣто небольшую квартиру на Саратовской улицѣ, вблизи ткацкихъ фабрикъ, расположенныхъ по Сампсоніевскому проспекту. Двѣ другія наши рабочія квартиры находились тогда за Невской и Московской заставами. За Невской заставой жилъ Синегубъ съ женой. Синегубъ завелъ тогда обширныя знакомства съ рабочими артелями на фабрикѣ Торнтона. Число приходившихъ къ нему рабочихъ вскорѣ такъ возросло, что онъ долженъ былъ пригласить къ себѣ на помощь сначала двухъ товарищей изъ вспомогательнаго кружка, а затѣмъ перетащилъ къ себѣ и Перовскую. Къ концу августа у него же на квартирѣ поселился Л. Тихомировъ, перебравшійся тогда изъ Москвы въ Петербургъ. Тихомировъ былъ пораженъ успѣхами пропаганды за Невской заставой и называлъ это мѣсто Сэнтъ-Антуанскимъ предмѣстіемъ *). На руки Пе-

*) Такое-же впечатлѣніе произвела пропаганда среди петербургск. рабочихъ на Г. Лопатина, который осенью 1873 г. бѣжалъ изъ Сибири и былъ проѣздомъ въ Петербургѣ. Кравчинскій привелъ его, между прочимъ, и за Невскую заставу, гдѣ онъ увидѣлъ лучшихъ рабочихъ. Онъ говорилъ потомъ, что рѣшительно не ожидалъ встрѣтить того, что встрѣтилъ тогда въ Петербургѣ.

ровской Синегубъ передалъ пришедшаго къ нему какъ-то Петра Алексѣева съ четырьмя товарищами. Петръ Алексѣевъ еще не былъ тогда затронутъ революціонной пропагандой и желалъ просто учиться,—«жаждалъ чистой науки», какъ говорилъ Синегубъ. Особенно привлекала его почему-то геометрія.

За Московской заставой велъ пропаганду Л. Поповъ съ другимъ товарищемъ. [На Васильевскомъ островѣ существовалъ попрежнему довольно многочисленный кружокъ заводскихъ рабочихъ, болѣе самостоятельный и державшійся особнякомъ отъ фабричныхъ.] Съ нимъ вели дѣло, главнымъ образомъ, Сердюковъ, Чайковскій, Кропоткинъ, Кравчинскій и тотъ, кого Кропоткинъ называетъ въ своей автобіографіи Кельницомъ.

Къ осени всѣ члены нашего кружка снова съѣхались въ Петербургъ; вернулся туда также и Кравчинскій, чтобы принять участіе въ нашихъ общихъ совѣщаніяхъ. Главнымъ дѣломъ кружка все еще признавалась тогда пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ, которая значительно расширилась за лѣтнее время, особенно, какъ мы видѣли, за Невской заставой. Помимо чисто практической постановки рабочей пропаганды, насъ уже занималъ тогда вопросъ о выработкѣ общей революціонной программы кружка. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій по этому поводу, Кропоткину было поручено набросать проектъ нашей программы. Проектъ этотъ былъ написанъ имъ и принятъ кружкомъ. Когда начались аресты, поведшіе за собой разгромъ почти всего нашего кружка, выработанная нами программа уже переписывалась набѣло для сообщенія ея провинціальнымъ организаціямъ *). Основной идеей этой программы было крестьянское возстаніе и отобраніе земли у помѣщиковъ. Общее направленіе мысли было попрежнему анти-парламентарское, если можно такъ выразиться; прямое участіе народа въ политической жизни признавалось необходимой гарантіей, и русское крестьянство признавалось способнымъ создать такой строй жизни, послѣ переворота, на почвѣ общиннаго землевладѣнія. Первая книжка «Впередъ», появившаяся въ концѣ 1873 г., невполнѣ отвѣтила господствовав-

*) Эта программа была арестована и цитировалась въ обвинительномъ актѣ по процессу 193-хъ.

шему настроенію кружка; статья Лаврова, слишкомъ настаивавшая на научной подготовкѣ пропагандистовъ, вызвала даже возраженіе со стороны Чайковскаго. Въ своемъ открытомъ письмѣ въ редакцію онъ говоритъ, что наука безъ революціоннаго настроенія ровно ничего не дастъ народному дѣлу, что надо дорожить именно тѣми годами, когда молодежь еще беззавѣтно отдается революціонному движенію и что въ продолжительныхъ научныхъ занятіяхъ всегда лежитъ опасность увлеченія спеціальностью, или самой наукой въ ея современной буржуазной обстановкѣ. Словомъ, въ этой статьѣ уже сказывалось то настроеніе, когда требованія данной минуты заслоняютъ собой медленную подготовительную работу и когда признается необходимость сосредоточить на одной опредѣленной революціонной задачѣ всѣ наличныя революціонныя силы *).

Соотвѣтственно этому настроенію, стала измѣняться также и первоначальная программа нашей рабочей пропаганды, имѣвшая въ виду преимущественно выработку отдѣльныхъ сознательныхъ личностей среди рабочихъ. Теперь среди насъ стало замѣтно усиливаться стремленіе къ массовой пропагандѣ, стремленіе обращаться къ народнымъ массамъ, проникать въ народныя массы. Одна изъ такихъ попытокъ происходила еще въ началѣ осени 1873 г. въ самомъ Петербургѣ. Туда пріѣхалъ этой осенью тотъ тверской помѣщикъ, у котораго жилъ Кравчинскій, и привезъ съ собою поклоны отъ земляковъ къ двумъ каменьщикамъ, работавшимъ въ одной артели, состоявшей душъ изъ восьмидесяти, при чемъ эта артель располагалась для ночлега въ томъ самомъ домѣ, который она воздвигала. И вотъ этотъ мелкій тверской землевладѣлецъ, разыскавъ своихъ земляковъ, познакомилъ съ ними сначала Кравчинскаго, а потомъ С—а. Кравчинскій и С—ъ стали ходить тогда по вечерамъ въ эту артель каменьщиковъ и читали тамъ книжки, а затѣмъ заводили разговоры. Бесѣды велись очень оживленныя и быстро переходили, разумѣется, на самыя жгучія темы. Кравчинскому и С—у впервые пришлось тогда говорить передъ такой обширной аудиторіей и ощущать массовое вліяніе

*) Движеніе 70-хъ годовъ обвиняется иногда въ «отрицаніи науки». Но это ошибка: его можно обвинять только въ томъ, что оно вербовало учащуюся молодежь, отрывая ее отъ науки.

своей пропаганды. Особенно воспламеняли слушателей рѣчи С—а, пропагандиста по натурѣ, доходившаго въ такихъ случаяхъ до беззавѣтнаго увлеченія. Послѣ одного изъ такихъ вечеровъ, Кравчинскій, по выходѣ изъ артели вмѣстѣ съ С—мъ, нервно дрожа и крѣпко прижимаясь къ нему, говорилъ: «С., ты волшебникъ! Я убѣдился сегодня, что можно дѣйствовать на массы... Необходима массовая пропаганда».

Въ связи со всѣмъ этимъ возраставшимъ среди насъ революціоннымъ одушевленіемъ стала намѣчаться тогда же еще одна перемѣна въ способѣ нашей пропаганды: такъ какъ для сближенія съ народными массами форма прежней студенческой пропаганды оказывалась уже неподходящей, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыми изъ нашихъ рабочихъ раньше еще указывалось на то, что какъ-ни-какъ, а все же мы, студенты, ведемъ барскій образъ жизни, то среди насъ все болѣе и болѣе стала укрѣпляться тогда мысль о необходимости для пропагандиста самому дѣлаться рабочимъ. Тогда именно поступилъ кочегаромъ на чугунно-литейный заводъ Дмитрій Рогачевъ, удивлявшій тамъ всѣхъ своей необычайной физической силой и ворочавшій въ горнѣ, хотя безъ всякой сноровки, огромныя глыбы чугуна; тогда же стали устраиваться въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ особыя мастерскія, слесарныя, кузнечныя и сапожныя, для обученія ремеслу будущихъ пропагандистовъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что осенью и зимою этого года (1873) въ Петербургѣ уже началось сильное общее возбужденіе среди интеллигенціи, подготовившее революціонный походъ лѣта 1874 г. Въ Петербургѣ въ эту зиму происходили постоянныя и многолюдныя сходки, причемъ среди молодежи возникли многочисленныя новыя группы, ставившія своею задачей пропаганду въ народѣ.

Кравчинскій, какъ мы уже видѣли, шелъ впереди этого общаго движенія. Какъ только въ нашемъ кружкѣ были рѣшены всѣ неотложные организаціонные вопросы, онъ снова ушелъ въ народъ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Рогачевымъ. На этотъ разъ они преобразились въ пильщиковъ и уѣхали въ ту же Тверскую губернію, гдѣ стали странствовать по деревнямъ, нанимаясь на работу и ведя революціонную пропаганду. Надо замѣтить, что, еще будучи студентомъ Лѣсного Института, Кравчинскій по примѣру Рахме-

това, сталъ развивать въ себѣ физическую силу и достигъ въ этомъ отношенiи очень значительныхъ результатовъ; только благодаря этой подготовкѣ, онъ могъ теперь сразу же выполнять обыкновенную дневную работу пильщика, не возбуждая ни насмѣшекъ, ни подозрѣнiй въ крестьянахъ и не отставая ни въ чемъ отъ силача Рогачева.

Какъ Кравчинскiй, такъ и Рогачевъ, были оба выдающимися пропагандистами. Рогачевъ обладалъ веселымъ, открытымъ характеромъ и легко сходился съ простымъ народомъ; когда онъ бродилъ потомъ въ качествѣ пропагандиста болѣе трехъ лѣтъ по Руси, его повсюду принимали за настоящаго рабочаго. Въ Кравчинскомъ были другiя сильныя стороны: онъ производилъ на слушателей впечатлѣнiе своими знанiями, обширной памятью и тою внутреннею силою, которая всегда чувствовалась въ немъ. Оба они дѣйствовали крайне рѣшительно, смѣло вступали въ разговоры и мало стѣснялись въ рѣчахъ. Не мудрено поэтому, что скоро о нихъ стали распространяться всякiе слухи въ той мѣстности, гдѣ они странствовали въ качествѣ пильщиковъ, и въ концѣ концовъ ихъ велѣно было задержать. Ихъ арестовали въ какой-ти волости и отправили съ двумя сотскими въ ближайшiй уѣздный городъ. Вездѣ, гдѣ они останавливались по дорогѣ, они продолжали вести свою революцiонную пропаганду; и вотъ подъ влiянiемъ этой пропаганды, во время ночевки въ какой-то деревнѣ, одинъ молодой парень отодвинулъ засовъ у двери деревенской каталажки, куда ихъ заперли, и помогъ имъ такимъ образомъ бѣжать.

Спасшись на этотъ разъ—и уже на всю жизнь—отъ русскихъ тюремъ, Кравчинскiй поѣхалъ въ Москву, а затѣмъ побывалъ въ Одессѣ, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ Волховскимъ; побывалъ онъ также въ Нижнемъ и въ Казани, откуда пришелъ пѣшкомъ, съ обозомъ, снова въ Москву, гдѣ собрались тогда уцѣлѣвшiе отъ петербургскаго погрома члены кружка чайковцевъ.

Къ этому именно перiоду странствiя Кравчинскаго по Россiи относится его двухнедѣльное пребыванiе у молоканъ. Произошло это такъ: онъ встрѣтился съ однимъ изъ нихъ по дорогѣ и разговорился съ нимъ, а затѣмъ получилъ отъ него рекомендацiю къ ихъ главарю, жившему въ какомъ-то уѣздѣ Рязанской губернiи. Кравчинскiй отправился туда и прiобрѣлъ большое уваженiе среди этихъ сектантовъ, бла-

годаря особенно тому, что зналъ на память чуть не всю библію. Онъ пріѣхалъ туда какъ разъ на страстную недѣлю, а потому долженъ былъ выдержать вмѣстѣ съ сектантами самый строжайшій постъ. Никакого революціоннаго значенія эта экскурсія, насколько мнѣ помнится, не имѣла, хотя по воспоминаніямъ Волховскаго, Кравчинскаго, подъ вліяніемъ именно этого посѣщенія молоканъ, занимала одно время мысль сдѣлаться ихъ начетчикомъ съ революціонными цѣлями, къ чему его приглашали также и сами молоканы

V

Весною 1874 г. въ Москвѣ собрались, какъ я уже сказалъ, почти всѣ уцѣлѣвшіе отъ погрома члены кружка чайковцевъ. Въ сущности, къ этому времени существованіе кружка, какъ сплоченной революціонной организаціи, было уже покончено. Большинство членовъ кружка были арестованы, и его дѣятельность среди рабочихъ въ Петербургѣ была прервана. Первый большой погромъ произошелъ, какъ я уже упоминалъ, за Невской заставой, гдѣ вмѣстѣ съ Синегубомъ, Тихомировымъ, Стаховскимъ и Борисевичемъ былъ арестованъ тогда также и весь кружокъ фабричныхъ рабочихъ, образовавшійся тамъ за лѣто на ткацкихъ фабрикахъ. Но эти аресты еще не разстроили, впрочемъ, организаціи нашего кружка. На Выборгской сторонѣ все еще продолжались тогда прежнія сношенія съ рабочими и завязывались новыя знакомства среди нихъ. Вскорѣ, однако, и въ этомъ главномъ центрѣ нашей рабочей пропаганды начались большіе аресты. Въ началѣ января былъ арестованъ Чарушинъ, а затѣмъ въ мартѣ также и Купреяновъ, самые видные люди этого района. Здѣсь, какъ мы потомъ убѣдились, сношенія революціонеровъ съ рабочими были выслѣжены полиціей при помощи двухъ рабочихъ-шпіоновъ, уже дѣйствовавшихъ въ этомъ смыслѣ и раньше того въ Москвѣ, при выслѣживаніи долгушинскаго кружка. Теперь эти рабочіе-шпіоны были присланы для той же цѣли въ Петербургъ. Это были уже опытные люди, очень смышленные и производившіе при первой же встрѣчѣ самое благопріятное впечатлѣніе своимъ пониманіемъ дѣла и своей видимой искренностью. Они очень ловко устроили арестъ Чарушина, нисколько не скомпрометировавъ этимъ себя, такъ

что послѣ Чарушина съ ними, безъ малѣйшаго колебані сталъ продолжать тѣ же сношенія Купреяновъ; затѣм они выдали и Купреянова; тогда на Выборгскую сторон для поддержанія связей съ рабочими, сталъ ходить Кропо кинъ, подъ фамиліей Бородина, при чемъ и ему такж пришлось имѣть дѣло съ этими шпіонами; наконецъ, был арестованъ, въ концѣ марта, и Кропоткинъ; при чемъ один изъ шпіоновъ участвовалъ вмѣстѣ съ сыщикомъ въ задер жаніи его на Невскомъ проспектѣ.

Въ мартѣ 1874 года былъ арестованъ также почти вес кружокъ заводскихъ рабочихъ на Васильевскомъ островѣ Разгромъ былъ полный. Большинство еще неарестованных членовъ кружка чайковцевъ уже разыскивалось полиціей потому перешло на нелегальное положеніе. Даже наша цен тральная квартира чуть не была захвачена. Она помѣща лась въ Казарменномъ переулкѣ, въ небольшомъ отдѣль номъ домикѣ, который нанимала въ качествѣ хозяйки Пе ровская. Появленіе шпіоновъ въ этомъ почти еще незастроен номъ тогда переулкѣ было однако скоро замѣчено нами, мы успѣли вывезти на подводѣ всѣ наши вещи, какъ раз наканунѣ обыска, такъ что когда явилась полиція, она на шла домъ запертымъ и пустымъ.

Изъ всего кружка чайковцевъ въ Петербургѣ осталось послѣ разгрома, только 2 или 3 еще неизвѣстныхъ поли ціи члена, да 2 или 3 новыхъ товарища, приглашенных Кропоткинымъ и Сердюковымъ во время самаго разгрома На ихъ обязанности лежало теперь, главнымъ образомъ поддержаніе сношеній съ заключенными. Всѣ же перешедшіе на нелегальное положеніе члены кружка выѣхали тогда изъ Петербурга и, какъ уже было сказано, встрѣтились весною въ Москвѣ. Перовская была арестована одна изъ первыхъ еще въ ноябрѣ 1873 г., но противъ нея не было тогда достаточно уликъ, и черезъ нѣсколько недѣль ее освободили на поруки. Послѣ этого она уѣхала къ матери въ Крымъ, гдѣ пробыла до конца 1877 г., когда была вызвана въ судъ по процессу 193-хъ.

По пріѣздѣ въ Москву уцѣлѣвшіе отъ погрома члены петербургскаго кружка уже застали тамъ сильное революціонное броженіе, начавшееся, какъ мы видѣли, повсюду еще съ осени 1873 года. Въ Москвѣ накопилось въ то время много хорошей молодежи, только что охваченной

революціоннымъ настроеніемъ; среди нея особенно выдѣлялся своей талантливостью и своимъ юношескимъ одушевленіемъ Николай Морозовъ. Много нашлось также тогда серьезныхъ сторонниковъ движенія въ народъ и среди студентовъ Петровской академіи, гдѣ видную роль играли въ то время московскіе члены кружка чайковцевъ (Фроленко и др.). Кромѣ того довольно многочисленный кружокъ группировался тогда въ Москвѣ около Мышкина, въ его типографіи, а также около Войнаральскаго, въ устроенной имъ весною на Плющихѣ сапожной мастерской. Тогда же примкнули къ движенію Саблинъ и Татьяна Лебедева.

Такимъ образомъ, весною 1874 г. настроеніе въ Москвѣ было особенно оживленное. Для пріѣхавшихъ туда членовъ петербургскаго кружка это было какъ бы продолженіемъ ихъ петербургской жизни и дѣятельности; вслѣдъ за полнымъ разгромомъ петербургской организаціи начиналось, хотя и плохо организованное, но зато болѣе широкое революціонное движеніе, увлекшее за собою и ихъ. Это обстоятельство помогло имъ не почувствовать сразу всей ихъ потери, всей тяжести нанесеннаго имъ въ Петербургѣ удара. Только позднѣе, послѣ новыхъ погромовъ и новыхъ массовыхъ арестовъ, которыми закончилось бурное лѣто 1874 г., немногіе остававшіеся еще на свободѣ члены кружка чайковцевъ,—этой дружной революціонной семьи, созданной въ Петербургѣ усиліями цѣлаго ряда выдающихся людей и сильныхъ характеровъ,—почувствовали свое одиночество. Почувствовалъ его тогда и Кравчинскій, который вообще придавалъ очень большое значеніе этому кружку и кромѣ того былъ сильно привязанъ лично ко многимъ изъ его арестованныхъ членовъ *).

Изъ Москвы Кравчинскій ушелъ въ компаніи съ однимъ

*) «Въ кружкѣ всѣ были братья—пишетъ одинъ изъ его старыхъ членовъ въ своихъ воспоминаніяхъ, хранящихся у меня;—быть можетъ, кружокъ носилъ нѣсколько сектантскій характеръ; но не хвастаясь долженъ сказать, что врядъ-ли когда либо существовалъ кружокъ, представлявшій собой такой братскій, искренній дружескій союзъ. Въ кружкѣ было осуществлено полное равенство, безусловное уваженіе къ мнѣнію каждаго, которое всегда выслушивалось до конца. Ни у кого изъ насъ не было ни малѣйшаго поползновенія генеральствовать надъ другими. Да и такая попытка неминуемо кончилась-бы неудачей: одни сарказмы К., этого свободолюбца до конца ногтей, сдѣлали-бы ее невозможной».

товарищемъ, сначала въ Тульскую губернію, а затѣмъ на югъ, и съ тѣхъ поръ я уже не видалъ его больше до самаго моего пріѣзда въ Лондонъ, зимою 1890 г. Такимъ образомъ, о всей его революціонной жизни за этотъ 16-лѣтній промежутокъ времени у меня нѣтъ личныхъ воспоминаній, и я могу сообщить здѣсь о ней лишь нѣсколько отрывочныхъ фактовъ. Отсюда читатель видитъ, что мои воспоминанія объ этой выдающейся личности и этомъ выдающемся представителѣ революціоннаго движенія 70-хъ годовъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы полными. Мало того: въ нихъ совершенно отсутствуетъ сколько-нибудь полный разсказъ о томъ именно періодѣ революціонной жизни Кравчинскаго, который былъ наиболѣе богатъ революціонными событіями и который наиболѣе соотвѣтствовалъ сильному, героическому темпераменту этого человѣка, съ трудомъ укладывавшемуся въ первоначальныя рамки нашей замкнутой, кружковой жизни.

Татьяна Ивановна Лебедева, которую я видѣлъ послѣдній разъ на судѣ, въ концѣ 1877 г., разсказывала мнѣ, что зимою 1876 г. Кравчинскій былъ въ Петербургѣ и находился въ крайне подавленномъ душевномъ настроеніи. Иногда ей казалось даже, что онъ сходитъ съ ума: онъ часто совсѣмъ не отвѣчалъ на обращенные къ нему вопросы и разговаривалъ съ самимъ собой. Ходилъ онъ тогда по Петербургу въ самомъ невозможномъ костюмѣ, наполовину городскомъ, наполовину крестьянскомъ, и жилъ неизвѣстно гдѣ. Какъ-то онъ сообщилъ Татьянѣ Ивановнѣ, что былъ захваченъ въ какомъ-то притонѣ вмѣстѣ съ мазуриками, но по дорогѣ убѣжалъ отъ полиціи. То обстоятельство, что онъ не былъ тогда арестованъ, хотя его усиленно разыскивали, очень удивляло ее, и объяснялось, по всей вѣроятности, именно тѣмъ, что онъ не принималъ никакихъ предосторожностей. Какъ и всегда, его выручала въ подобныхъ случаяхъ полная беззаботность и какая-то разсѣянность человѣка, занятаго своими собственными мыслями и своимъ собственнымъ дѣломъ. Это отношеніе къ полиціи, какъ къ чему-то совсѣмъ постороннему и мало его касающемуся, было возведено у него даже въ систему, но очевидно, что въ основѣ этой системы лежало все-таки,

прежде всего, отсутствіе всякой боязни за самого себя, при чемъ это довольно рѣдкое въ людяхъ свойство было развито въ немъ, какъ я думаю, усиліями воли и продолжительной практикой. Въ Москвѣ у насъ былъ общій хорошій знакомый, арестованный по долгушинскому дѣлу, а затѣмъ выпущенный изъ тюрьмы подъ домашній арестъ, при чемъ его безсмѣнно сторожилъ городовой. Намъ очень хотѣлось повидаться съ этимъ знакомымъ, но такъ какъ мы оба были на нелегальномъ положеніи, то я не счелъ этого возможнымъ для себя; Кравчинскій же пошелъ и потомъ не безъ удовольствія разсказывалъ мнѣ, какъ онъ проникъ въ самую львиную пасть. Онъ, по всей вѣроятности, не могъ допустить въ себѣ мысль, что онъ чего-нибудь испугается. Также мало были свойственны ему то безпокойство и волненіе, которыя испытываются почти каждымъ, кому приходится выступать передъ публикой, произносить рѣчи и т. п. Когда я гостилъ у него въ Лондонѣ въ 1893 г., мы какъ-то пошли съ нимъ на ежегодное общее собраніе англійскаго «Общества друзей свободы въ Россіи», на которомъ онъ долженъ былъ произнести рѣчь. По дорогѣ онъ разсказывалъ мнѣ о задуманныхъ имъ литературныхъ работахъ и видимо нисколько не заботился о предстоявшемъ ему выступленіи передъ довольно избранной англійской публикой; когда же я, наконецъ, спросилъ его, о чемъ онъ будетъ говорить, то онъ отвѣтилъ мнѣ совершенно равнодушно: «Ну, что-нибудь да придетъ въ голову!»

Между 1875 и 1878 годами Кравчинскій нѣсколько разъ ѣздилъ за границу и возвращался обратно въ Россію. Въ 1876 г. онъ попалъ въ Герцоговину, гдѣ писалъ какія-то прокламаціи къ возставшимъ славянамъ, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ бывшихъ съ нихъ русскихъ; въ 1877 г. онъ близко сошелся съ итальянскими соціалистами, особенно съ Малатестой и Кафіеро, и присоединился къ беневентинской вооруженной экспедиціи. Небольшой отрядъ вооруженныхъ итальянскихъ соціалистовъ овладѣлъ тогда одною или двумя деревенскими коммунами и учредилъ тамъ временный соціалистическій порядокъ. Попытка эта имѣла, конечно, чисто демонстративное значеніе. Инсургенты были схвачены итальянскими властями и посажены въ тюрьму, а въ томъ числѣ и Кравчинскій. Въ тюрьмѣ онъ просидѣлъ

до смерти Виктора-Эммануила, которая случилась въ слѣдующемъ-же 1878 г. и повела за собою амнистію.

Весною 1878 г. Кравчинскій былъ уже въ Петербургѣ, и велъ переписку съ осужденными по процессу 193-хъ, сидѣвшими тогда въ Петропавловской крѣпости. Въ Россіи возникла тогда знаменитая организація «Земля и Воля», положившая начало всему послѣдующему народовольческому движенію; однимъ изъ учредителей этой организаціи былъ Кравчинскій. Онъ перевезъ черезъ границу часть типографіи, предназначавшейся для печатанія органа этой революціонной группы, и былъ однимъ изъ его редакторовъ. Какъ въ «Землѣ и Волѣ», такъ и въ «Общинѣ», издававшейся тогда за границей, былъ помѣщенъ рядъ статей Кравчинскаго, написанныхъ свойственнымъ ему восторженнымъ и пламеннымъ языкомъ. Наконецъ, 4 авг. того же 1878 г. онъ, какъ извѣстно, выступилъ мстителемъ за погибшихъ товарищей и убилъ шефа жандармовъ, генерала Мезенцева.

Поводомъ къ этому убійству послужилъ приговоръ по процессу 193-хъ. Въ этомъ процессѣ судились всѣ арестованные въ 1873 и 1874 гг., по обвиненію въ пропагандѣ среди рабочихъ и крестьянъ. Всѣхъ арестованныхъ тогда пропагандистовъ было около 1000 человѣкъ, но изъ нихъ суду было предано только 193. Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось около 4 лѣтъ, безъ всякаго вниманія со стороны разныхъ слѣдственныхъ комиссій къ сотнямъ молодыхъ жизней, разрушавшихся въ продолжительномъ одиночномъ тюремномъ заключеніи. Это было золотое время для жандарменіи и прокуратуры; карьеры Слезкиныхъ, Жихаревыхъ и др. создавались тогда легко и быстро, при чемъ никто изъ этихъ господъ даже и не думалъ о возможности какого-нибудь отпора со стороны революціонеровъ. Масса заключенныхъ, проводившихъ годъ за годомъ въ одиночныхъ тюрьмахъ, представляла для нихъ какъ-бы пассивный слѣдственный матеріалъ, надъ которымъ они изощряли свою проницательность. Знаменитое III-е отдѣленіе еще пользовалось тогда своимъ традиціоннымъ обаяніемъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ николаевской эпохи, и шефъ жандармовъ еще могъ спокойно прогуливаться тогда лѣтними утрами по улицамъ Петербурга.

Между тѣмъ, число погибшихъ за эти 4 года въ одиночномъ заключеніи отъ болѣзней, сумашествія и само-

убійства доходило до 80 человѣкъ. Среди революціонеровъ стала даже возникать тогда теорія цѣлесообразности вооруженнаго сопротивленія при арестахъ: такъ велика казалась имъ вѣроятность умереть безплодно въ тюрьмѣ даже при сравнительно ничтожномъ обвиненіи. Многіе изъ умершихъ въ предварительномъ заключеніи по процессу 193-хъ были-бы или вовсе оправданы судомъ, или же приговорены къ самому незначительному наказанію. Фактъ этотъ былъ хорошо выясненъ защитниками на нашемъ процессѣ и произвелъ сильное впечатлѣніе даже на особое присутствіе сената съ Петерсомъ во главѣ. Вообще, процессъ 193-хъ, разбиравшійся вскорѣ послѣ процесса 50-ти, уже подготовившаго со своей стороны сочувственное настроеніе въ обществѣ, вызвалъ замѣтную сенсацію въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этого, приговоръ особаго присутствія оказался неожиданно мягокъ: изъ 193-хъ подсудимыхъ, 90 было оправдано совершенно, а для 70-ти въ наказаніе было вмѣнено предварительное заключеніе; даже по отношенію къ осужденнымъ на каторгу судъ ходатайствовалъ о замѣнѣ ея ссылкой на житье, исключивъ впрочемъ изъ этого ходатайства Мышкина *).

Подъ впечатлѣніемъ этого процесса, сопровождавшагося, притомъ, различными манифестаціями со стороны подсудимыхъ: отказомъ отъ присутствія на судѣ и отъ всякой защиты, рѣчью Мышкина и рѣзкими протестами со стороны другихъ подсудимыхъ, въ петербургскомъ обществѣ произошло тогда нѣчто аналогичное тому, что не разъ повторялось потомъ въ исторіи нашего революціоннаго движенія, а именно—когда это движеніе отражалось косвеннымъ путемъ на общественомъ настроеніи и вызывало въ немъ извѣстный подъемъ оппозиціоннаго духа. Но такъ какъ этотъ подъемъ обусловливался не внутренними силами самого общества, а ходомъ борьбы между революціонной партіей и самодержавнымъ правительствомъ, дѣйствіями которыхъ всегда руководила своя внутренняя логика, то

*) Всѣхъ приговоренныхъ къ каторгѣ было 13 человѣкъ: Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій, Муравскій, Рогачевъ, Сажинъ, Чарушинъ, Синегубъ, Добровольскій, Шишко, Квятковскій, Союзовъ, Брешковская. Изъ числа осужденныхъ особое присутствіе не ходатайствовало также о 5-хъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ на житье (С. Жебуневъ, Чудновскій, Волховскій, Ив. Чернявскій и Ларіоновъ).

такого рода либеральное общественное настроеніе никогда не бывало особенно прочнымъ. Такъ случилось и на этотъ разъ. Съ одной стороны, въ правительственныхъ сферахъ оказалась, разумѣется, своя партія непримиримыхъ, одинъ изъ корифеевъ которой, петербургскій полиціймейстеръ Треповъ, устроилъ извѣстное побоище въ домѣ предварительнаго заключенія и истязаніе Боголюбова; результатомъ этого былъ выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, повлекшій за собой небывалыя въ Россіи событія: оправданіе присяжными Вѣры Засуличъ, демонстративную овацію публики, наполнявшей залу суда, бурную сцену на улицѣ, когда столпившіеся передъ зданіемъ суда революціонеры вырвали оправданную Засуличъ изъ рукъ жандармовъ и скрыли ее отъ преслѣдованій правительства, причемъ весь либеральный Петербургъ съ тревогой слѣдилъ за ея судьбой, а газета «Сѣверный Вѣстникъ» рѣшилась даже напечатать ея открытое письмо.

Съ другой стороны, 4-лѣтнія неистовства правительства принесли свои неизбѣжные результаты и рѣзко измѣнили настроеніе революціонной партіи. Начались насильственные революціонные акты, и на югѣ Россіи, въ Одессѣ, идея вооруженнаго сопротивленія нашла въ это время свое первое практическое примѣненіе при арестѣ Ковальскаго.

Все это произошло какъ разъ въ промежутокъ времени между произнесеніемъ приговора по процессу 193-хъ и его конфирмаціей. Послѣдствія не заставили ждать себя: ходатайство суда не было принято во вниманіе, и всѣ 13 человѣкъ, осужденныхъ на каторгу, были отправлены, одни на Кару, а другіе (Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій, Муравскій, Рогачевъ и Сажинъ) въ харьковскія центральныя тюрьмы, въ эту обитель «заживо погребенныхъ». Затѣмъ около 80 человѣкъ, оправданныхъ по суду, были арестованы вновь и сосланы административнымъ порядкомъ въ сѣверныя губерніи. Такимъ образомъ, логика положенія взяла свое, и революціонная борьба должна была разгорѣться съ новой силой.

И вотъ, въ этомъ новомъ фазисѣ революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, Кравчинскому суждено было опять взять на себя роль смѣлаго иниціатора. Имъ совершенъ былъ первый крупный террористическій актъ: убійство генерала Мезенцева. Подробности этого событія достаточно извѣстны. Кравчинскій вышелъ навстрѣчу Мезенцеву во

время его обычной утренней прогулки по Михайловской площади, въ компаніи съ полковникомъ Макаровымъ, и нанесъ ему смертельный ударъ стилетомъ; затѣмъ онъ бросился въ пролетку, запряженную тѣмъ самымъ Варваромъ, на которомъ уже спасся раньше Кропоткинъ, и былъ увезенъ товарищемъ-кучеромъ. При всѣхъ приготовленіяхъ къ этому безпощадному революціонному акту, Кравчинскій настаивалъ на томъ, чтобы ему былъ, по-возможности, приданъ характеръ открытаго нападенія. Спасшись удачно отъ преслѣдованія, онъ упорно желалъ остаться въ Петербургѣ, несмотря на то, что въ Петербургѣ тогда была поставлена на ноги вся полиція. Товарищамъ стоило большого труда выпроводить его заграницу подъ какимъ-то нарочно созданнымъ предлогомъ.

Вся дальнѣйшая революціонная дѣятельность Кравчинскаго въ періодъ его заграничной жизни, носила преимущественно литературный характеръ. Его лучшія произведенія извѣстны всѣмъ. Въ нихъ онъ сумѣлъ дать яркія картины революціонной жизни, какія могъ дать только человѣкъ, долго жившій въ самомъ ея центрѣ, и сумѣлъ передать внутреннюю, психологическую сторону русскаго революціоннаго движенія, какъ могъ это сдѣлать только человѣкъ, самъ пережившій и перечувствовавшій самыя сильныя и глубокія впечатлѣнія революціонной жизни въ одинъ изъ ея наиболѣе тревожныхъ и драматическихъ періодовъ. По единодушнымъ отзывамъ изъ Россіи, его книги до сихъ поръ производятъ свое революціонное дѣйствіе на все болѣе и болѣе расширяющійся кругъ читателей, продолжая служить тому дѣлу, которому до послѣдняго дня своей жизни служилъ ихъ авторъ.

—

Пріѣхавъ заграницу въ 1890 г., я снова увидалъ Кравчинскаго послѣ 16-лѣтней разлуки. Въ Сибири до меня доходили изрѣдка слухи о немъ. Я зналъ, что онъ жилъ въ Англіи и что онъ много писалъ на англійскомъ языкѣ; при этомъ мнѣ передавали иногда, что онъ почти совсѣмъ отстранился отъ русскаго революціоннаго движенія. Допуская, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ отчуждающее вліяніе долгой заграничной жизни, я не связывалъ и не могъ связать этого съ какими-нибудь серьезными внутренними перемѣнами въ самомъ Кравчинскомъ: я зналъ, что

такіе люди, какъ онъ, не мѣняются ни при какихъ условіяхъ. Но въ первый же свой пріѣздъ въ Лондонъ я былъ пораженъ тѣмъ, до какой степени этотъ человѣкъ мало измѣнился даже во всѣхъ своихъ второстепенныхъ типичныхъ чертахъ русскаго революціонера. Это былъ все тотъ-же, прежній Кравчинскій, все тотъ-же русскій нигилистъ, несмотря на совсѣмъ другую окружавшую его тогда обстановку. Всю ту необходимую частицу англійскихъ обычаевъ и условныхъ приличій, которая налагалась на него его англійскими знакомствами, онъ принималъ, какъ скучный парадный костюмъ, который сбрасывается при первой возможности. Еще менѣе, конечно, отразилась заграничная жизнь Кравчинскаго на его внутреннемъ обликѣ. Это былъ все тотъ-же русскій революціонеръ, все тотъ-же сильный, вѣрный и преданный товарищъ, все тотъ-же человѣкъ 70-хъ годовъ, для котораго личная жизнь, какъ въ молодости, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ, могла существовать только въ формѣ служенія народному дѣлу. Всѣ его завѣтныя мечты, всѣ его излюбленные планы всегда принадлежали русскому революціонному движенію. Его заграничная агитація, которой онъ отдавалъ одно время много силъ и времени, имѣла въ его глазахъ чисто второстепенное и служебное значеніе. Даже его большая склонность къ литературно-художественному творчеству всегда была связана въ его глазахъ съ революціонными задачами: «Кто же будетъ писать революціонную беллетристику?»— говорилъ онъ, когда заходила рѣчь о томъ, чтобы ему взять на себя редактированіе заграничнаго революціоннаго органа.

Въ немъ еще было много сохранившихся силъ, была спокойная увѣренность въ себѣ, большой политическій умъ и страстная преданность общественному дѣлу, служеніе которому съ самыхъ юныхъ лѣтъ обратилось для него въ единственный руководящій жизненный принципъ. Эта цѣльность и страстность общественнаго чувства, составляющія вообще характерную черту русской революціонной интеллигенціи, имѣли въ Кравчинскомъ одного изъ своихъ наиболѣе яркихъ представителей. Ими объяснялось то сосредоточенное, часто сумрачное настроеніе, которое почти не покидало этого, по натурѣ крайне добраго и даже нѣжнаго человѣка, лишеннаго всякой узости и всякаго фанатизма.

Иногда мнѣ казалось, что онъ какъ-бы только на половину жилъ окружавшей его повседневной жизнью. Большую часть времени онъ проводилъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ; затѣмъ появлялся среди близкихъ со своимъ задумчивымъ, разсѣяннымъ видомъ, со своей милой, широкой улыбкой, но скоро снова уходилъ въ свои мысли и снова запирался въ своемъ кабинетѣ. Всѣ тяжелыя воспоминанія, всѣ ужасы русской жизни были слишкомъ тѣсно связаны съ его личною жизнью: съ его молодостью, со всѣми его надеждами, съ его погибшими друзьями; они всецѣло владѣли его душой и были главнымъ элементомъ, опредѣлявшимъ его настроеніе.

Благодаря той же силѣ и искренности общественнаго чувства, Кравчинскій былъ совершенно недоступенъ для мелкихъ партійныхъ раздоровъ и личной полемики. Надо было видѣть, съ какимъ глубокимъ равнодушіемъ онъ относился ко всему подобному. Можно было подумать, что имѣешь дѣло съ политически индифферентнымъ человѣкомъ. Но стоило только выступить на сцену одному изъ тѣхъ вопросовъ или воспоминаній, съ которыми какъ бы сливалось все его существованіе, и тогда страстная и сдержанная энергія этого, повидимому, невозмутимаго человѣка, вырывалась наружу. Одинъ изъ товарищей, впервые познакомившійся съ Кравчинскимъ въ Лондонѣ, разсказывалъ мнѣ, что онъ, все время молчавшій и относившійся безучастно къ происходившей у него на квартирѣ бесѣдѣ, вдругъ весь вспыхнулъ и высказалъ очень рѣзкое замѣчаніе, когда покойный Людвигъ Савицкій сталъ отрицать значеніе политической свободы для Россіи. Я помню также, какъ измѣнилось его лицо и какія жесткія слова вырвались у него, когда при немъ зашла рѣчь о Сигидѣ, засѣченной въ карійской тюрьмѣ. Это кажущееся невозмутимое спокойствіе Кравчинскаго было спокойствіемъ человѣка, слишкомъ много пережившаго на своемъ вѣку и слишкомъ хорошо владѣвшаго собой.

Глядя на его тихую, однообразную жизнь въ Лондонѣ, въ началѣ 90-хъ годовъ, среди обычной англійской обстановки, трудно было представить себѣ, какъ еще много таилось въ немъ его прежней революціонной энергіи. Его видимо тяготила эта монотонная жизнь, занятая почти исключительно работою для англійской печати, и онъ охотно

снова бросился бы въ какое угодно революціонное предпріятіе. Но въ тѣ годы революціонная Россія еще переживала, какъ извѣстно, глухое и трудное время. Въ самой Россіи шла тогда лишь медленная подготовительная работа, сношенія съ заграницей носили чисто-случайный характеръ, и эмиграція не могла не чувствовать всей своей оторванности отъ русской жизни.

Но вотъ прошло еще нѣсколько лѣтъ, и все это вдругъ измѣнилось. Русское революціонное движеніе приняло неожиданно-широкіе размѣры, и въ основу его легло уже начавшееся тогда массовое движеніе пробуждающагося русскаго народа,—того самаго народа, къ которому такъ рвались сердца революціонеровъ 70-хъ годовъ и къ которому были обращены ихъ первые призывы 25 лѣтъ назадъ... Но Кравчинскому не суждено было дожить до этого сравнительно болѣе счастливаго для насъ времени. 11-го (23-го) декабря 1895 г. онъ погибъ совершенно неожиданно, благодаря роковой случайности, на 43-мъ году своей жизни.

Онъ жилъ на западныхъ окраинахъ Лондона среди еще незастроенныхъ пустырей. Одинъ изъ такихъ пустырей пролегалъ между его домикомъ и квартирой Волховскаго, такъ что они обыкновенно ходили другъ къ другу по этой сокращенной дорогѣ; при этомъ надо было переходить въ одномъ мѣстѣ полотно желѣзной дороги; ни сторожа, ни заставы въ этомъ мѣстѣ не было; каждому предоставлялось самому заботиться о своей безопасности. Утромъ рокового дня Кравчинскій шелъ по направленію къ рельсамъ, погруженный въ какія-то думы и слишкомъ поздно замѣтилъ налетѣвшій на него изъ-за поворота поѣздъ. Его ударило въ голову, и смерть была мгновенна.

—

Кравчинскій пользовался большой извѣстностью и въ Англіи, и въ Америкѣ, особенно-же въ соціалистическомъ мірѣ Лондона. Поэтому его похороны приняли характеръ торжественной политической манифестаціи, въ которой приняли участіе всѣ выдающіеся вожди англійской рабочей партіи. Ихъ рѣчи, сказанныя при этомъ, не были сказаны ради одной только политической манифестаціи; англичане, знавшіе Кравчинскаго сколько-нибудь близко, любили и цѣнили его, какъ человѣка. Послѣ его смерти въ англій-

ской и американской печати появилось нѣсколько воспоминаній о немъ, проникнутыхъ самой искренной симпатіей.

—

Въ заключеніе этого, къ сожалѣнію, неполнаго очерка я приведу нѣсколько выдержекъ изъ рѣчи, произнесенной надъ гробомъ Кравчинскаго его старымъ товарищемъ Кропоткинымъ.

«Горько и тяжело мнѣ говорить,—такъ началъ свою рѣчь Кропоткинъ,—надъ гробомъ такого дорогого, такого молодого товарища и друга. Онъ едва вступилъ въ ту пору жизни, когда человѣкъ достигаетъ полнаго расцвѣта своихъ силъ. Онъ жилъ съ такою беззавѣтною любовью къ дѣлу освобожденія Россіи; въ немъ горѣла такая вѣра въ это дѣло; жизнь ключемъ кипѣла въ немъ; въ груди было столько силы и энергіи, столько могучей воли!..

«...Онъ любилъ русскую жизнь, русскій народъ... Онъ вѣрилъ въ народное движеніе... Чувства личнаго страха онъ вовсе не зналъ. Каждую минуту онъ могъ бы отдать свою жизнь за любое дѣло—лишь бы оно было глубоко человѣческое. Чувства личнаго самолюбія въ немъ не было даже и въ зачаточномъ состояніи. Не понималъ онъ такъ-же и чувства партійной узости...

«И часто, часто я думалъ: вотъ настанетъ время, Россія проснется, закипитъ великій переворотъ; партіи, личная вражда и самолюбія будутъ сталкиваться. Тогда Сергѣй будетъ человѣкомъ незамѣнимымъ, необходимымъ. Онъ пойметъ, и другихъ заставитъ понять,—что такое должна быть жизнь народа въ такой моментъ, съ ея безконечнымъ многообразіемъ, какъ изъ этого многообразія создается новая жизнь. Это онъ понималъ глубоко.

«Я говорю, а его могучій и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткій образъ стоитъ передо мною. Долго онъ будетъ жить среди насъ, какъ связующее звено, какъ призывъ къ работѣ для общаго дѣла, какъ дорогой образъ одного изъ лучшихъ людей русскаго движенія»...

Да, это былъ одинъ изъ лучшихъ людей русскаго движенія. Пусть же эта слабая попытка напомнить какъ о немъ самомъ, такъ и о томъ времени, которому онъ отдалъ свои силы, сослужитъ хоть небольшую службу народному движенію въ Россіи.

